

Министерство образования и науки РК
Институт археологии имени А. Х. Маргулана

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

научно-практической
конференции молодых ученых

«АХИНЖАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2002»

ВЫПУСК 1

Алматы — 2003

ББК 94.3
С 23

Рекомендовано к изданию Ученым Советом Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК.

Редакционная коллегия: Ахатов Г.А., Бермагамбетов А.Ж.,
Лошакова Т.Н.

Научный редактор: академик НАН РК Байпаков К.М.

Ахинжановские чтения – 2002. Тезисы докладов конференции молодых ученых. Алматы, 2003. – 54 с.

ISBN 9965-25-270-X

В сборник включены тезисы докладов ежегодной научной конференции молодых ученых “Ахинжановские чтения – 2002” (г. Алматы, 20.12.2002 г.). Рассматривается широкий круг вопросов археологии Казахстана от эпохи бронзы до средневековья.

Адресован студентам, магистрантам, аспирантам и всем интересующимся проблемами древней историей Казахстана.

Рекомендовано к изданию Ученым Советом Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК.

С 5002000000
00(05)-03

ББК 94.3

© Институт археологии
им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2003.
© Юридическая литература, 2003.

Министерство образования и науки РК
Институт археологии имени А. Х. Маргулана

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

научно-практической
конференции молодых ученых

«АХИНЖАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2002»

ВЫПУСК 1

Алматы — 2003

Министерство образования и науки РК
Институт археологии имени А. Х. Маргулана

«А.Х. МАРГУЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ»
РЕСПУБЛИКАЛЫҚ МЕМЛЕКЕТТІК ҚАЗЫНАЛЫҚ КӘСІПОРНЫ

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
научно-практической
конференции молодых ученых**

“АХИНЖАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2002”

ВЫПУСК 1

Алматы – 2003

В августе 1991 г. на 52 году жизни трагически погиб видный казахский археолог Сержан Мусатаевич Ахинжанов.

В 1989 году вышла его монография "Кыпчаки в истории средневекового Казахстана", которая принесла автору широкую известность в кругах археологов, историков, востоковедов тогдашнего СССР и за рубежом. Книга стала значительным событием в исследовании кыпчаков – народа, сыгравшего важную роль в политической, экономической и культурной жизни Евразии. Велика была роль кыпчаков в этногенезе казахов и других тюркских народов. Из среды кыпчаков вышли представители правящих династий Мамлюкского Египта, представители кыпчаков в XIII в. возглавляли Делийский султанат; кыпчаки принимали активное участие в жизни Хорезма и Руси, Венгрии и Грузии. Важным событием их истории явилось создание в XII в. государства с центром в Сыгнаке.

Сержан Мусатаевич в своей монографии уделил большое место проблеме взаимодействия кыпчаков и Хорезма, части фундаментальной проблемы взаимодействия города и степи, земледелия и скотоводства и одним из первых поставил вопрос о так называемой степной цивилизации, дефиниция которой стала особенно в последние годы предметом дискуссий в науке. Талантливая многоплановая книга С.М.Ахинжанова опередила время и поэтому остается остро востребованной и сейчас, о чем свидетельствует факт ее нескольких переизданий – для научных работ случай достаточно редкий.

Между тем, научные поиски С.М.Ахинжанова, учителями которого были выдающиеся ученые – Л.Р.Кызласов в Московском Государственном университете, кафедру археологии которого С.М.Ахинжанов закончил в 1964 году, и А.Х.Маргулан в годы аспирантуры в Институте истории, археологии и этнографии, куда молодой исследователь поступил после окончания МГУ, всегда отличались новизной подходов к проблемам археологии, тщательностью аргументов в доказательстве тех, либо иных, зачастую спорных, положений.

Еще студентом С.М.Ахинжанов увлекался проблемами неолита Северного Казахстана, а, будучи уже известным кыпчаковедом, работал в Отраре, где вел раскопки разновременных памятников, в том числе и соотносимых с кангюями – предками кыпчаков. Империя Кангюй – владение Кангу-Тарбан – Кыпчакское государство – Казахское ханство – свидетельство политогенеза Государственности на территории Казахстана, а также этногенеза казахов.

Он занимался вопросами Великого Шелкового пути, изучал древние города на юге Казахстана и в Семиречье, участвовал в международных экспедициях, в том числе и экспедиции ЮНЕСКО "Степной путь" в 1991 г., выступал с яркими докладами на симпозиумах и конференциях по тематике диалога культур и цивилизаций на Шелковом пути.

Что бы ни делал С.М.Ахинжанов, все у него получалось талантливо, ярко, увлекательно. Его любили, ему подражали и не случайно "Ахинжановские чтения", которые ежегодно проводятся с 1993 года, привлекают внимание ученых, пользуются популярностью.

Тематика чтений различна – это и вопросы изучения культур каменного века, исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа, древних тюрок и урбанизации. Они собирают широкий круг участников из Казахстана, России, стран Средней Азии и дальнего зарубежья. Они стали своеобразным полигоном для молодых исследователей, где они зачастую впервые приобретают опыт публичных выступлений, дискуссий.

“Ахинжановские чтения” 2003 года – одиннадцатые по счету, а сборник тезисов, опубликованный к их открытию, а затем публикация наиболее интересных статей в “Известиях” Института археологии им. А.Х.Маргулана – хорошая возможность заявить о себе в науке. За прошедшие годы возмужали в научном отношении молодые исследователи, которые делали доклады и сообщения, участвовали в дискуссиях первых чтений, многие стали кандидатами наук, есть и доктора наук, но главное – “Ахинжановские чтения” продолжают лучшие научные традиции казахстанской археологии, в развитии которой, ее достижениях принимал активное участие Сержан Мусатаевич Ахинжанов.

Академик НАН РК Карл Байпаков

Особенности жилищно-хозяйственных конструкций эпохи энеолита на территории Северного Казахстана

На территории Северного Казахстана исследован ряд памятников эпохи энеолита, таких как Ботай, Роцинское, Сергеевка, Красный Яр и т. д. Перечисленные поселения относятся к ботайской энеолитической культуре, выделенной В. Ф. Зайбертом. Группа памятников относящихся к ботайской культуре делится на две группы в соответствии с более точной датировкой. Заключительным этапом неолита - развитым энеолитом датируются такие поселения как Ботай, Красный Яр, Васильковка, Роцинское. Поселения Сергеевка, Баландино, Кенеткуль 8 так же входят в список поселений ботайской культуры, но датируются заключительным этапом энеолита. Наибольшее количество археологического материала к настоящему времени получено в ходе исследования поселения Ботай. За время изучения данного поселения было раскопано более 70 жилищных и хозяйственных конструкций. Собранные данные позволяют сделать следующие выводы о характере строения и внутренней планировке сооружений.

1. В роли строительных материалов при возведении жилищ и хозяйственных конструкций выступали глина, дерево, а так же в большинстве случаев кости животных.

2. На поселении зафиксировано несколько вариантов формы котлованов жилищ, сгруппировав близкие по форме жилища (овальные конструкции мы относим к группе подпрямоугольных в связи со схожестью таких параметров как отсутствие очагов в помещениях) можно говорить о выделении двух основных форм – округло-многоугольной и подпрямоугольной. Овально-многоугольная форма характерна для 91 %, подпрямоугольная форма для 9 % конструкций.

3. Площадь жилищ варьировалась от 12 до 61 кв. м.

4. Стенки котлованов жилищно-хозяйственных конструкций в большинстве случаев фиксируются как слегка пологие или почти вертикальные (73% случаев).

5. Более 52,5% очагов исследованных в жилищах расположены в центре помещения, вероятно, играют роль отопительных очагов, одновременно являясь местом приготовления пищи

6. Хозяйственные ямы в большей части расположены вблизи стен, а так же у очагов, они разнообразной формы от круглых до аморфных и разной глубины от 30-40 см до 250 см. Хозяйственные ямы могли служить хранилищами мясных продуктов - ямы-консервы или для отбросов.

Таким образом, можно говорить о существовании на рассматриваемом объекте конструкций полуземляночного типа округло-многоугольной и подпрямоугольной форм, площадью до 70 м. кв., стены котлованов приближены к вертикальным, очаги в большинстве случаев расположены в центре помещения.

История изучения петроглифов Сарыарки

На обширном равнинном пространстве, в древности получившее название Сарыарка, расположены замечательные скопления наскальных изображений. Петроглифы этой степной части Центральной Азии, в сравнении с южными районами, долгое время оставались неизвестными.

В 1916 г. Н.С. Воронец обнаружила скопление петроглифов "...на берегу речки Лак-Пай, впадающей в Байконур...". В 1917 г. ею была опубликована небольшая статья в "Русском Антропологическом Журнале", касательная данной группы петроглифов. В.А. Городцов полагает, что описанное Н. С. Воронец скопление петроглифов "...находится в Тургайской области и уезде, в 300 верстах к северо-северо-востоку от железнодорожной станции Джусалы (Карамчи), находящейся на правом берегу р. Сыр-Дарьи". Вероятно, оба исследователя говорят о группе петроглифов Байконур, Улытауского района Карагандинской области.

Некоторые сведения о скоплении петроглифов Байконур в 1916 г. В.А. Городцову были переданы геологом М.М. Пригоровским, который, производя геологические изыскания в Тургайской области, обнаружил рисунки на скалистых берегах р. Байконур.

Интересна статья В.А. Городцова, опубликованная в 1926 году, посвященная Байконурскому комплексу петроглифов. Данное местонахождение петроглифов автор датирует XIX — I вв. до н.э., в статье рассматриваются вопросы семантики, подчеркивается сакральное значение Байконурских рисунков.

К.И. Сатпаев в 1936 г. при исследовательских работах в Центральном Казахстане, обнаружил несколько скоплений петроглифов, которые были распространены в низовье р. Сары-су в урочище Тамбалы-нура, а также на правом берегу р. Буланты. Данное скопление в 1946 году было тщательно обследовано Центрально-Казахстанской археологической экспедицией. К.И. Сатпаев также указывает на местонахождение рисунков расположенных в районе реки Тамды и у нижнего течения реки Джеты-Кыз, в 35 километрах к западу от Улытауских гор.

А.Х. Маргулан, исследуя район р. Сары-су и гор Улытау рассматривает группу наскальных изображений расположенных в урочище Теректы и предгорьях Улытау, на берегу р. Сарлык. В отчете о проведенной работе в полевом сезоне 1948 г. А. Х. Маргулан предлагает сведения о скоплении петроглифов Сары-булак, расположенных в северо-восточной части пустыни Бетпак-Дала. Подробная информация о данном местонахождении рисунков, представлена в работе Л.Р. Кызласова. Им проводятся хронологические параллели рисунков Сары-булак с тагарской культурой (VII — I вв. до н. э.) на Енисее.

В 1959 году в Северном Прибалхашье, в горах Тесиктас геологом Г. М. Козловским были обнаружены наскальные изображения, специальное изучение которых проводил А. Г. Медоев. Помимо скопления рисунков в г. Тесиктас им обследованы памятники подобного рода на скалах гор Караунгур и Калмакжаткан-карапат также локализованные в северных районах Балхаша.

Начало 80-х годов знаменуется целенаправленным изучением наскальных изображений Сары-арки. Н.А. Новоженков исследует группы рисунков, местонахождение которых в большей степени определяется южными районами гор Улытау. Результатом многолетних полевых исследований Н.А. Новоженкова явился обобщающий труд "Петроглифы Сарыарки", где представлена комплексная информация о некоторых памятниках наскального изобразительного творчества Сары-арки. Заслугой автора, несомненно, является систематизация части опубликованного фактического материала по изучаемой проблеме, рассмотрены ряд спорных и малоизученных вопросов. В данной работе автор приводит материал о неизученных, малоизвестных памятниках, однако из виду были упущены ряд скоплений петроглифов Сарыарки, расположенных - в верховьях рек Жиланчик и Сары-Тургай, в горах Жаксы Кзылтау, рисунки гор Желтау в Актогайском районе и др. группы петроглифов.

К планомерному изучению петроглифов археологического комплекса Теректы Аулие, расположенного на территории Улытауского района Карагандинской области, в 1996 г приступили З. Самашев, Ж. Курманкулов, Ж. Жетыбаев, К. Лаймер. Авторы выдвигают предположение о возможности функционирования в данном районе древнего многофункционального и многокомпонентного святилища, связанного с культом коня.

Работы по наскальным изображениям Теректы Аулие продолжены С.К. Ишангали. Объектом исследования выступает образ коня, который доминирует в репертуаре петроглифов Теректы-Аулие. Автор акцентирует внимание на уникальном изображении коня.

Подводя итоги, необходимо отметить, что на сегодняшний день, хотя и накоплен обширный материал по отдельным скоплениям рисунков, к сожалению, нет работ, в которых была бы представлена полная информация о петроглифах рассматриваемого региона.

Исследование могильника Талдысай 1 в полевом сезоне 2002 года

Могильник Талдысай 1 находится в 900 метрах южнее отделения Талдысай и на расстоянии около 1 километра от одноименного поселения. Могильник расположен в долине образованной отрогами гор Керегетас и рекой Жезды, в него входят разновременные памятники, такие как: погребения и ограды эпохи бронзы, курганы Раннего Железного Века в том числе и один курган "с усами", средневековые захоронения относящиеся к периоду функционирования городища Баскамыр. У северной оконечности могильника расположено казахское кладбище.

Часть памятников (два кургана ранних кочевников и две ограды эпохи бронзы) были раскопаны в начале 90-х годов Ж. Смаиловым, но к сожалению не опубликованы.

Курганным отрядом ЦКАЭ-2002 продолжены работы начатые в 2001 году. Был заложен сплошной раскоп, площадью в 240 кв.м., с северной стороны от прошлогоднего, охватившего 3 погребения эпохи бронзы. Раскопками 2002 года выявлены 4 взрослых и 2 детских погребения эпохи бронзы и одно впускное погребение, предположительно раннего железного века.

Погребения эпохи бронзы разделены на несколько параллельных групп, расположенных на небольших повышениях рельефа. Примыкающие ограды растянуты линией по оси север-юг, в центре как правило находится более крупная, отличающаяся от основной массы, ограда разделенная внутри на сектора. По видимому каждая группа погребений являлась своеобразной семейной или родовой усыпальницей.

Строительным материалом для оград послужили крупные каменные плиты, привозимые с отрогов Керегетас. Ограды под квадратные, северные и южные стены смыкаются, образуя сплошной ряд. Могилы грунтовые, ориентированы по оси запад-восток, перекрыты большими каменными плитами. Все погребения бронзового века, раскопанные на данный момент, разграблены еще в древности. Плиты перекрытия сдвинуты незначительно, грабители проникали с западной или восточной стороны могилы. Глубина могильных ям от 1м. до 1.7м. от современной дневной поверхности, длина в среднем около 2 метров, ширина 1.2 - 1.5 м.

Края ям сильно оплывшие, повреждены грабителями.

В заполнениях могил найдены разрозненные фрагменты керамических сосудов и незначительные костные останки. В погребении № 8 обнаружены несколько бронзовых и костяных бус плохой сохранности.

У северо-восточного угла ограды № 1, за ее пределами, выявлено небольшое детское погребение, перекрытое каменной плитой. Кости

ребенка не сохранились, кроме фрагмента черепной коробки, у стенки обнаружен керамический сосуд горшковидной формы, орнаментированный "елочкой", светло-серого цвета.

У северо-восточного угла ограды № 7 вскрыто подобное же детское погребение содержащее керамический сосуд горшковидной формы, черного цвета.

Значительный интерес представляет конструкция впускного погребения № 5. При постройке использовались камни от оград бронзового века. Надмогильное сооружение в виде овальной стены, окружавшей могильную яму. Стена выложена из камней положенных длинными осями к центру. Под западной стенкой в качестве основы установлены 4 больших, длинных камня, взятые с перекрытий могил эп. бронзы. Под каменной наброской, заполнявшей верхнюю часть находились 3 плиты перекрытия положенные горизонтально, под ними 2 наклонные прямоугольные плиты, перекрывающие погребенного. Могила глубиной 1.27 м, ориентирована по оси север-юг, ограблена. Скелет неполный, сохранились лишь череп и трубчатые кости ног. Погребенный лежал на левом боку, головой на север. ноги поджаты в коленках, левая рука подложена под голову. Погребальный инвентарь отсутствует. При постройке впускного погребения были нарушены два погребения эпохи бронзы, фрагменты керамики эпохи бронзы встречались в заполнении.

Результаты проведенных раскопок дополняют информацию по металлургическому поселению эпохи бронзы Талдысай 1.

К изучению орнамента эпохи бронзы поселений Северо-Восточного Прикаспия

Археологические изыскания на Устюрте выявили ряд поселений эпохи палеометалла. Поселения Токсанбай, Айтман, Манайсор I, II, III, открытые в труднодоступном и малоизученном пустынном регионе, оставлены населением с оригинальным культурно-хозяйственным типом, со своим особым вариантом приспособления к природной среде. Судя по вещественным остаткам, культурные напластования стоянок и поселений, расположенных вдоль чинков Северного Устюрта и Донызтау, содержат артефакты, как с местными технологическими традициями, так и с многочисленными признаками иноэтнических влияний, привнесенных в результате волн миграционных процессов.

В характеризуемых керамических комплексах широко представлены разные способы орнаментации - приемы гладкого прочерчивания, наколы, гребенчатого штампа. К числу специфических и своеобразных штампов относится мелкоструйчатый. Отмечено несколько вариантов на кольчатого орнамента, самые распространенные угловые и треугольные, реже подквадратные наколы. Использовались различные вдавления: подтреугольные, округлые, каплевидные, реже применялись линзовидной формы. При нанесении украшения использовалось горизонтальное зонирование орнаментального поля. Особое внимание уделялось шейке и тулову. В орнаментации практически всех зон сосуда встречен вертикальный и горизонтальный зигзаг, прочерченные прямые и зигзаг в обрамлении различного рода вдавлений; "елочка".

Предприняв попытку анализа орнамента, по таким признакам как геометрические символы (треугольник, ромб, меандровидные изображения, зигзаг, солярные знаки) и проанализировав их расположение по зонам, было отмечено, что изображения также сосредотачивались в зоне шейки и тулова, тем самым, выделяя эти зоны, как наиболее значимые в системе мировосприятия древнего человека.

Геометрические орнаментальные символы были широко распространены в древнем мире и относятся к числу широко распространенных элементов в различных системах. Их относительная простота и емкость обеспечивает стабильность и точность моделирования значимых объектов и понятий. Именно такие "простые" в исполнении символы обладают большой культурно-смысловой емкостью.

Выделенные геометрические символы позволяют предположить, что в религиозно-космогонической системе древних жителей Устюрта присутствовал комплекс неба, проявившийся в виде символики вод, и комплекс земли, которая, питаясь небесными водами, должна была дать жизнь живым организмам.

Установление полного и точного смыслового значения, которое включает в себе орнамент, потребует времени. Однако становится понятным, что каждая линия орнамента, наносившаяся на изделие, тщательно продумана и помещена там, где ей надлежит быть в соответствии с символическим смыслом.

**Памятники синташтинско-петровского типа
на территории Тургайского прогиба**
(по материалам могильников Бестамак и Токанай I)

Тургайский прогиб находится в Северной части Казахстана в пределах Костанайской области, на севере сливается с Западно-Сибирской низменностью, на юге заканчивается чинками Челкар-Тенизской впадины. С запада граничит с Зауральским плато, с востока – Казахским мелкосопочником и отрогами Улытауских гор.

Всю территорию Тургайского прогиба с севера на юг прорезает Тургайская ложбина, в северной части которой находится могильник Бестамак. Памятник исследовался в течение пяти полевых сезонов (1991–1993, 1997, 2002 гг. под руководством Логвина В.Н., Калиевой С.С., Логвина А.В.) Тургайской археологической экспедицией. Общая площадь составляет 6796 кв.м. В результате действия ветровой эрозии и выпаса овец на территории могильника, преимущественно верхняя часть большинства погребений оказалась нарушенной. Обнаруженные погребения на могильнике представлены разными археологическими эпохами, от энеолита до эпохи финальной бронзы.

Большая часть погребений относится к памятникам синташтинско-петровского периода. На могильнике было зафиксировано двадцать одно одиночное погребение и семь групповых (четыре из которых являются парными).

Выявлены следующие черты погребального обряда. Погребения совершались в больших грунтовых ямах (длина их достигает 4 м, ширина 3 м). Глубина погребений 1,4–1,5 м. В менее нарушенной части памятника вокруг некоторых погребений фиксировались остатки рвов с несомкнутыми концами. Для обкладки стен погребальных камер и сооружения перекрытий использовалось дерево. В некоторых случаях, в погребальной камере зафиксированы остатки деревянного прямоугольного короба, перекрытого плахами в два или три ряда. Ширина плах 10–15 см и толщина 3–5 см. Иногда для поддержания перекрытия, дополнительно, устанавливалась продольная балка, опирающаяся на вбитые в дно колья. Умерших укладывали на дно погребальной камеры, преимущественно на левый бок, головой на запад или северо-запад, в слабо скорченном положении руки перед лицом.

Ритуал погребения мужчины и женщины в одиночных погребениях существенно не отличался. В парных погребениях, умершие уложены лицом друг к другу, кисть мужчины часто перекрывает кисть женщины. В одном случае, голова женщины была помещена на груди мужчины, у его подбородка, а ее левая рука лежала поверх туловища мужчины.

Как одиночные, так и групповые погребения сопровождалось богатым набором инвентаря.

В могилу обязательно помещались сосуды, часть ставилась у головы погребенного, часть у ног. Нередко в сосудах были найдены раз-

личные орудия: иглы, ножи и т.д. Имеют место случаи, когда один из сосудов ставился вверх дном. Рядом с сосудами клали оружие или орудия. Иногда на кисти рук или в ладони вкладывали топор или нож, чаще орудия помещались в районе головы погребенного или за спиной вдоль стены.

В потусторонний мир умерший сопровождался животными, в могильных ямах фиксировались, как отдельные кости с черепами, так и целые костяки животных. У ног погребенного, в большинстве случаев, помещали череп и кости конечностей овцы, теленка или барана. Встречаются целые костяки козы и теленка, которые лежали "вале-том" параллельно погребенному.

В большинстве могил найдены целые костяки лошадей, они помещались над перекрытием (в одном случае — под перекрытием) с обеих сторон погребенного, либо с подогнутыми конечностями, либо с вытянутыми. Иногда туша лошади расчленялась. В одной могильной яме обнаружено три лошади в стоячем положении, поставленные вдоль трех стен камеры, причем у одной лошади задние конечности были отчленены от бедренных костей и поставлены перед передними. В центре могильной ямы был положен целый костяк свиньи.

На территории самого могильника также были обнаружены ямы-жертвенники, которые находились рядом с погребениями и содержали кости животных и сосуды. Кроме этого, на некотором отдалении от основной части погребений, в северной и самой высокой части могильника было зафиксировано ритуально-жертвенное место, которое представляет собой четыре жертвенных комплекса. Данные жертвенники содержали черепа лошадей, баранов, козлов, их кости и сосуды. Причем интересно расположение костей и черепов животных, например в одном случае, под черепами не менее пяти лошадей находились черепа баранов, все лицевыми частями ориентированные на запад. Кости этих животных располагались в следующем порядке — сверху — мелкие, дробленые кости, чуть ниже кости средних размеров, на дне крупные кости. Кроме этого, в западной части ямы (у лицевых частей черепов лошадей) был поставлен сосуд.

Погребальный инвентарь могильника находит широкие аналогии в синташтинско-петровском круге памятников.

Сосуды, большей частью, представлены остросереберными и плавно профилированными горшками. Верхняя часть сосудов отогнута наружу, срез венчика имеет уплощенную и округлую форму. Пропорции сосудов вытянутые и приземистые. В большинстве случаев орнаментирована вся внешняя поверхность сосудов. Орнамент наносился зубчатым штампом, резной техникой, среди элементов орнамента широко распространены вертикальная "елочка", зигзаги, треугольники, ромбы, горизонтальные линии, каннелюры, вдавления различной формы и т.д. Кроме этого, на некоторых остросереберных сосудах, по всей окружности ребра размещены "шишечки". В тесто в качестве примеси добавлялся песок, ракушка и органика.

Металлические изделия представлены оружием, орудиями труда и украшениями.

Большинство ножей имеют листовидную форму и намечающееся перекрестие.

Топоры представлены двумя типами: втульчатые массивные вислобушные и поперечно-лезвийные (тесло).

Кроме этого, среди металлического инвентаря были отмечены – иглы, шилья, долота, скрепки, обоймочки, браслеты, бусы, бляшки, подвески, кольца, наконечники украшений и т. д.

Широко представлены изделия из камня и кости.

Каменные наконечники стрел представлены двумя видами – черешковые и бесчерешковые.

Каменные булавы двух типов – круглые и крестовидные (с четырьмя выступами).

Среди костяных изделий выделяются щитковые псалии с шипами.

При сравнении синташтинско-петровского могильника Бестамак Тургайского прогиба и могильников Южного Урала этого этапа было выявлено, что погребальный инвентарь (сосуды, бронзовые, костяные и каменные изделия) описываемых могильников практически идентичен инвентарю синташтинско-петровских памятников. Но на могильнике Бестамак не были найдены надмогильные сооружения с погребальными кострами, боевые колесницы, ритуальные домики, бронзовые наконечники копий и стрел.

Могильник Токанай I находится примерно в 400 км от могильника Бестамак, в южной части Тургайской ложбины. Могильник изучался в 1982 г. Тургайской археологической экспедицией под руководством Логвина В.Н. Общая площадь изученной части могильника 88 кв.м. Поверхность могильника была подвержена интенсивной ветровой эрозии. Кроме этого, все погребения за исключением одного были перекопаны полностью или частично местными жителями. Глубина сохранившейся части могильных ям 0,05-0,5 м. Материалы могильника Токанай I, по всей видимости, так же относятся к синташтинско-петровскому кругу памятников. Несмотря на то, что большая часть погребений нарушена, часть могил имеет достаточную глубину, для сравнения погребального обряда могильника Токанай I и могильника Бестамак. Сравнение этих погребальных комплексов показало, что существенных отличий в погребальном обряде могильников нет, но наличие в инвентаре Токаная I бронзовой булав, ножа с литой рукояткой и сосуда с алакульскими чертами, найденного в одной могильной яме с сосудами синташтинско-петровского типа, позволяет говорить о некоторых отличиях Токаная I, как от могильника Бестамак, так и в целом от могильников рассматриваемого периода.

Выявленные отличия могильников Тургайского прогиба и Южного Урала синташтинско-петровского этапа, ставят ряд вопросов, ответить на которые, по нашему мнению, пока затруднительно, так как материалы, происходящие с данной территории в недостаточной степени изучены и требуют дальнейшего тщательного исследования и осмысления.

Новый памятник эпохи бронзы на реке Шидерты

В полевом сезоне 2001 ПАЭ под руководством Мерца В. К. продолжила изучение Шидертинского археологического комплекса в Экибастузском районе Павлодарской области. Основные работы проводились на многослойной стоянке каменного века Шидерты 3. Параллельно проводилась зачистка правого берега р. Шидерты близ лагеря экспедиции в ходе которой был обнаружен зольник с костными останками животных и крупный фрагмент валиковой керамики. В нескольких метрах от зачистки располагалась курганообразная насыпь, из которой местами выглядывали крупные камни. При дальнейшей зачистке выяснилось, что под насыпью находится культурный слой поселения, представленный мощными зольниками и остатками каменных конструкций, представляющих стены жилых или хозяйственных построек.

Стратиграфия памятника выглядит таким образом: серо-коричневый пылеватый слой гумуса - 17 см; почвенный прослой черного цвета - 16 см; серый зольник - 46; - 41 см. Таким образом, общая глубина памятника 120 см от уровня дневной поверхности. Аналогичная в плане известна по поселению поздней Кент Центральном. Остатки конструкции в основном относятся к серому зольнику, тогда как под ними слое коричневого зольника также было обнаружено скопление камней, однако основание слоя не было достигнуто.

Коллекция предметов обнаруженных на поселении составило 337 находок представленная каменными и костяными орудиями, бронзовыми изделиями фрагментами керамики.

Каменный инвентарь представлен тремя мотыгами крупных размеров, крупным абразивом, отщепами и пластинами кварцита и кремния.

Из костяных изделий найдены тупики, изготовленные восходящей ветви верхнего отростка нижней челюсти лошади и тазовых костей. Подобные предметы были довольно распространены в памятниках эпохи бронзы. Кроме того, найден костяной предмет предположительно - игольник из трубчатой кости длиной 4 см.

Из наиболее интересных находок нужно отметить бронзовый нож длиной 18,5 см, выгнуто обушковой формы. Конец рукоятки, длина которого составляет 8,5 см, имеет сквозное отверстие для подвешивания. Лезвие отделено от рукоятки слабым уступом. Длина лезвия 10 см. Подобной формы нож известен из бронзовых изделий Казахстана эпохи бронзы. Помимо ножа найдено бронзовое шило длиной 10 см и обломок бронзовой стамески(?).

Наиболее многочисленной категорией находок является керамический комплекс представленный фрагментами сосудов саргаринско-алексеевского и бегазы-дандыбаевского типа, с присутствием незначительного количества фрагментов андроновского типа. Бегазинская керамика состоит из единичного фрагмента орнаментированного гре-

бенчатым штампом. Саргаринская керамика двух типов – орнаментированная налепным валиком, и не орнаментированная без валика. Орнаментация сосудов состоит из косых насечек по валику и венчику, ногтевыми вдавлениями, сосцевидными налечами на стенках сосудов, гребенчатым штампом, решетчатым пояском на валике вдавления торцом палочки. Керамика андроновского типа орнаментирована заштрихованными прямыми линиями треугольниками. Один сосуд удалось реконструировать. Это горшковидной формы сосуд высотой 24 см с диаметром по венчику 22 см. Диаметр дна – 13 см. Сосуд имеет прямой венчик, отогнутый наружу. Шейка украшена тремя продольными валиками, по плечу нанесен сеточный орнамент. Тулово и донце не орнаментировано.

На некоторых фрагментах сосудов прослеживаются следы заглаживания. Тесто сосудов имеет примесь дресвы, крупнозернистого песка и органики. Цвет черепка варьирует от серого до темно-коричневого. В изломе черного цвета. На многих фрагментах сохранились следы нагара.

В целом, полученному керамическому комплексу с шидертинского поселения имеются довольно широкие аналогии с поселений эпохи поздней бронзы, как, с территории Восточного и Центрального Казахстана поселения Трушниково, Мало-Красноярка, поселение Донгал, Щербакты и Шауке 2 и сопредельных территорий Алтайского края Рублево 6.

Таким образом датировка шидертинского поселения эпохой поздней бронзы не вызывает сомнения, однако делать более конкретные выводы пока преждевременно, поскольку памятник нуждается в дальнейшем его исследовании. Пока не ясно соотношение керамического материала из верхнего зольника и коричневого нижнего зольника.

Исследование памятников эпохи поздней бронзы в Павлодарском Прииртышье только начинается, поэтому полученный материал имеет несомненную ценность и очень перспективно для дальнейших работ на этом поселении. Материалы, полученные с этого памятника, помогут соотнести его с материалами других поселений поздней бронзы, обнаруженных в Павлодарской области, такие как Шауке 2 и Щербакты. Несмотря на недоизученность данных поселений, уже сейчас можно отметить их некоторое отличие в материале.

Материал с поселения Шауке 2 имеет близость к алтайским аналогам с поселения Рублево 6, тогда как керамика с поселения Щербакты ближе к посуде с поселений финальной бронзы Центрального Казахстана – поселение Донгал.

**К изучению особенностей построения композиций
в искусстве ранних кочевников Алтая**
(на примере уздечного набора № 3 из кургана Пазырык 1)

Произведения искусства скифо-сибирского звериного стиля в большом многообразии представлены в памятниках ранних кочевников Центральной Азии: в наскальных рисунках, на оленных камнях, мелкой пластике, на предметах вооружения и деталях конской узды, орудиях, украшениях.

По характеру материала, наиболее многочисленные серии образцов древнего искусства воплощены в изделиях из органики, например: татуировки, художественное оформление деревянных колод-саркофагов, детали конского убранства, вышивки, аппликации и др.

Настоящая работа посвящается результатам изучения уздечного набора № 3 из первого Пазырыкского кургана.

Методы исследования основаны на традиционном подходе, применяемом в изучении предметов вещевых комплексов, оформленных в скифо-сибирском зверином стиле - описание, сравнительно-типологический метод, искусствоведческий анализ.

Считается, что образцы скифо-сибирского звериного стиля представляют собой высокохудожественные шедевры искусства ранних кочевников и это явление вполне оправданно можно считать феноменом, секреты, которого до сих пор волнуют многих исследователей. На сегодняшний день история изучения данного вопроса имеет обширную историографию. В вопросах исследования феномена "звериного" стиля ранних кочевников одной из многочисленных проблем является изучение принципов построения композиций.

Удивительное сочетание композиционных приемов широко представлено в курганах Алтая. Как известно, наиболее ценная информация по культуре древних кочевников содержится в материалах алтайских курганов с мерзлотой, полученных за довольно значительный промежуток времени. Археологическое изучение подобного рода памятников было начато во второй половине 19 в. раскопками В. В. Радлова на могильнике Берел (Радлов, 1896). В настоящее время исследование берельских курганов осуществляется Восточно-Казахстанской археологической экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством З. Самашева.

Композиции из звериных образов, орнаментальных мотивов содержатся на различных по функциональному назначению предметах многообразного вещевого комплекса, но с особой широтой они представлены в оформлении парадного погребального убранства коней.

Данная работа построена на основе изучения композиционных рядов уздечного набора № 3, который состоит из пары псалиев, развилок и 10 блях-подвесок.

Псалии представляют собой прямой стержень с окончаниями, оформленными растительным орнаментом в виде пальметок на миниатюрной планке.

Стержни развилки оформлены округлыми и каплевидными выступами.

Нащечные ремни содержат по две подвески с лосями и по одной с пальметками, ремни переносья содержат две подвески с пальметками и одну с лосями. Подвески чередуются: с обеих сторон ремней оголовья подвески чередуются следующим образом — по краям подвески с лосями, а в центре — подвеска с пальметками; на переносье — наоборот — краям подвески с пальметками, а в центре — подвеска с лосями.

Налобная подвеска имеет форму полулунницы, украшенной своеобразными “поясками” верхний — в виде жемчужин, в оформлении среднего и нижнего угадывается сходство со жгутом, шнуровым орнаментом. Крепилась она при помощи очень тонких ремешков, продетых в сквозные отверстия, расположенных по краям изделия.

Подвеска с лосями — изделие выполнено в виде тел двух развернутых в противоположные стороны лосей, звери соприкасаются друг с другом выступами на холке. Животные изображены с подогнутыми под брюхо задними ногами; передние ноги животных расположены одна над другой. Рассмотрим расположение передних ног на примере подвесок с левой стороны узды — правая нога закинута вперед, изображена вплотную к планке, левая нога упирается сгибом к правой и поднята вверх так, что копыто устремлено вверх. Центральная бляха ремней переносья выделяется от остальных тем, что она слегка выпукло-вогнутая, что, видимо, объясняется предназначением быть помещенной на носу. Голова лося на данной подвеске расположена непосредственно на планке. Всего из пяти подвесок, содержащих образы лосей, всего две снабжены скульптурными головами, во всех остальных случаях показана небольшая площадка, которую можно рассматривать как основание шеи. Получается, что два животных имеют единую шею или же это изображение одного животного, рассеченного надвое.

У лосей характерная горбоносая морда, лопатообразные рога, миндалевидные глаза со слезницами, длинные листовидные уши, рельефно выделенные лопатки и круп, традиционное оформление ног: присутствие подтреугольных врезок на голени, обозначение скакательных суставов выпуклыми точками, подтреугольные врезки на копытах.

Прослеживаемые в оформлении подвесок композиции построены при помощи комбинированных приемов с применением принципов геральдики, где центральный, доминирующий элемент — это либо скульптурное изображение головы, либо основание шеи или миниатюрная планка на подвесках с пальметками. В памятниках искусства ранних кочевников в построении некоторых композиций гармонично сочетаются объем и скульптура, при этом содержательные элементы того или иного образа комбинируются, плоское тело, объемные голова

и шея. Еще один компонент — вставные уши, рога, хвосты, которые могли выполняться не только из дерева, но и из кожи. Другой прием в композициях — ажурность, достигаемая проработкой прорезей на изделии.

В сюжетах, помещенных на подвесках, видимо, выражено состояние покоя и движения. В исследуемом уздечном наборе прослеживается определенный ритм композиции, которому подчинены как собственно сюжеты на подвесках, так и в целом сочетание всех деталей узды. Изображение на подвесках с лосями рассекается вдоль, а с растительным орнаментом — поперек. Композиционный ряд, представленный на узде, позволяет предположить, что смысл “текста” всего набора содержит знаки, которые можно связать с таким понятием как бинарные оппозиции.

Вместе с тщательной проработкой всех деталей присутствуют и некоторые “ошибки” — встречается отсутствие прочерченных линий на копытах, выступов, обозначающих скакательные суставы, подтреугольных врезок на копытах; не все детали тщательно заглажены; на налобной бляхе с правой стороны имеется древний слом. Не исключено, что в какой-то мере это оправдывалось тем, что дефекты будут скрыты под блеском фольги, но с другой стороны, видимо, можно допустить и преднамеренное искажение.

В расположении подвесок на ремнях узды угадывается некий пример членения по фризам, где верхний — это налобная бляха, посередине — бляхи ремней переносья и нижний — псалии, развилки, бляхи ремней, идущих к поводьям.

Таким образом, рассмотрение одного уздечного набора с привлечением методов не только археологических, но и искусствоведческих, семиотических и семантических, позволяет глубже проанализировать каждый археологический источник.

**Ә. М. Оразбаевтың Қазақстан археологиясына
қосқан үлесі және қола дәуірінің бүгінгі проблемалары**

1. Саналы ғұмырын қазақ археологиясының іргетасын қалауға, оның дамуына, өз мектебін қалыптастырып, шәкірттер тәрбиелеуге жұмсаған Ә. М. Оразбаевтың өмір тарихы мен ғылымдағы алар орны көпшілігімізге белгісіз. Сол себепті де ғалымның өмір жолы ғылыми қызметін сабақтастыра отырып жазуды жөн көріп отырмыз.

2. Әбдіманап Медеуұлының үлкен әкесі Оразбай Абай жолы эпопеясындағы кейіпкер, Тобықты руының, қала берді қазақ қоғамының ірі байларының бірі.

Әбдіманаптың әкесі Медеу – Ахмет Байтұрсынов, Сұлтанмахмұт Торайғыров сияқты қазақ зиялыларымен жақын жолдас болып жүріп, Алашорданың белді мүшесі болған. Медеу Оразбайұлы Семей облысы Абай ауданында Шыңғыс тауы мен Шұнай тауы сілемдерінің қосылар жерінде орналасқан Қыдыр ауылына Семей қаласынан түйемен қызыл кірпіш тасып, мектеп интернат салдырған.

3. Әбдіманап Медеуұлы Оразбаев 1922 жылы шілде айында Шұнай, Шыңғыс тауларының бөктерінде дүниеге келген. Заман ағымы, тағдыр талқысымен Алматы қаласына келіп, орта мектепті бітіреді. 1941 жылы Қазақтың педагогикалық институтының тарих факультетіне оқуға түседі. Оқуын аяқтамастан соғысқа, Сталинград майданына аттанады. 1946 жылы Қазақ Мемлекеттік Университетінде оқуын жалғастырып, артынан Ленинград Университетінде оқи жүріп А.И. Окладников, Б.Б. Пиатровский, М.П. Грязнов, В.И. Равдоникас, А.Н. Бернштам, М.И. Артамонов, М.М. Дияконов және басқа ғалымдардан дәріс алады. М.П. Грязновтың жетекшілігімен Қазақстан мен Сібірдің қола дәуірі тақырыбы ауқымында аспирантураға түседі. 1958 жылы Солтүстік Қазақстанның қола дәуірі тақырыбында кандидаттық диссертациясын қорғайды.

4. Ә.М. Оразбаев 1956-1971 жылдары аралығында Ғылым Академиясының тарих, археология және этнография институтында аға ғылыми қызметкер болып жұмыс істейді. Археология ғылымындағы көрнекті ғалымдар Ә.Х. Марғұлан, С.С. Черников, К.А. Акишев, А.Н. Бернштам, М.П. Грязновтармен бірге көптеген жұмыстар жасады. 1967 жылы Древняя культура Центрального Казахстана атты монографияның авторларының бірі ретінде ҚазССР Ғылым Академиясының Ш. Уәлиханов атындағы сыйлығына ие болды.

5. 1971 жылы Қазақ Университетінде археология және этнология кафедрасының ашылуына сәйкес, оның меңгерушісі Ә.М. Оразбаев болады. Кафедраның аяғынан тік тұрып кетуіне өз үлесін қоса отырып, талантты студенттер мен ғалымдарды топтастыра білді. Алғашында мамандар жетіспегендіктен дәріс оқуға Ғылым Академиясынан Ә.Х. Марғұлан, Х.А. Алпысбаев, Ф.Х. Арсланова, О. Смағұлов және т.б. ғалымдарды шақырды.

6. Ә.М. Оразбаев Қазақстан археологиясының әр дәуірлерін сабақтастыра отырып және барлық аймағына ат салысып, өз тұжырым, ой-пікірлерін ортаға салды. Әсіресе өзінің кандидаттық диссертациясының тақырыбы болып келетін, “Солтүстік Қазақстан қола дәуірі” бойынша өз кезеңдемесін жасады. Сонымен бірге Андрон мәдениетінің соңы Замарай кезеңі деп ерекше тоқталып өтті.

7. Ә.М. Оразбаевтың маман археолог ретіндегі өзіндік ерекшелігі, қазақ халқының қол өнеріндегі этнографиялық егіздестіктердегі Салыстыра отырып зерттеді (қола дәуірінің керамикасындағы өрнектерді бау, басқұр, алаша өрнектерімен және қола дәуірінің қоныстарының құрылысын – шошала, киіз үй, қос және т.б.)

8. Қола дәуірі қоршаулары өлілер әлемі мен тірілер әлемін бөліп тұрады және бұндай наным-сенім кейбір халықтарда әлі кездеседі дейді. Мысалы, адам өлгеннен соң аруақ болып ұшып, өлілер әлеміне кетеді және туыстары жұма күндері шелпек пысырып, дұға оқыса аруақтар разы болады деп, халық дәстүрін ғылымда алғаш пайдаланған болатын.

9. Ә.М. Оразбаевтан бұрын да, одан кейін де Қазақстан аумағының әр аймағы бойынша қола дәуірі туралы көптеген ғалымдар өз кезеңдемелерін жасады. Алайда, әлі күнге қола дәуірін кезеңдеу мәселесі бір шешімін тапты деп айта алмаймыз. XX ғасырдың 20-жылдарында бастау алатын кезеңдеу проблемасымен, негізінен басқа ұлт өкілдері айналысқан соң, өз ұлтымыздан шыққан ғалымдардың пікірлері көп қолдау таппады.

10. Қазіргі таңда да ғалымдар кезеңдеу мәселесіне жаңа бір қырынан карагандай болып, кестелер мен терминдер енгізуде.

Әр нәрсенің екі жағы бар демекші заман талабына сай кестелер мен терминдер енгізу керек те шығар, бірақ әлі де шешімін таппай жатқан ғылымды одан әрі күрделендіріп жіберуге болмас.

Еліміз еркіндікке жетіп, тарих беттері жаңа қырынан ашылып жатқан заманда шешімін таппай жатқан мәселелерді ұлттық көзқарас тұрғысында қарастыру жаңа буын жас ғалымдар үлесінде деп білемінг.

К вопросу хронологии среднесарматской культуры

В советской археологии среднесарматскую культуру было принято датировать с конца II в. до н.э. — до II в. н.э. Эти хронологические рамки были приняты всеми исследователями. Но с накоплением материала к 90-м годам прошлого века стал вопрос об изменении выше упомянутой датировки. Появились работы российских и казахстанских археологов, где ставился вопрос о существенном омоложении, как раннесарматской (прохоровской), так и среднесарматской (сусловской) культур.

Считались среднесарматскими погребения с южной ориентировкой костяка, где присутствуют мечи с кольцевым навершием, железные черешковые наконечники стрел, курительницы, алебастровые сосудики. Однако все эти находки характерны, как для ранних, так и для средних сармат.

Довольно убедительным аргументом считался раннее появление мечей с кольцевым навершием, ставших широко распространенными в среднесарматское время. Наиболее их ранние находки связаны в основном с нахождением вместе с "классическими прохоровскими" мечами с серповидным навершием. Все эти памятники датируются II-I вв. до н. э. Мечи с кольцевым навершием проникают в степи Южного Приуралья и Западного Казахстана в связи с перемещением кочевников конца III в. до н.э. из Центральной Азии. На территории Алтая, Тувы и Северо-Западного Китая этот тип оружия существовал в более раннее время. Они попадают в рассматриваемый регион вкупе с другими инновациями восточного происхождения. Все это существенно влияет на прохоровскую культуру, но непрерывное ее развитие и постепенная эволюция происходит вплоть до рубежа эр.

В I в. н.э. резко меняется погребальный обряд ранних кочевников Западного Казахстана и Южного Приуралья. Хотя и прослеживается преемственность. Коллективные захоронения сменяются одиночными (54,6 % данные по Актюбинской области). Широкое распространение получают подквадратные могилы с диагональным положением костяка (45,4 % Актюб. обл.), подпрямоугольную (45,4% Актюб. обл.), с заплечиками (18,1% Актюб. обл.), подбойные (9,09 % Актюб. обл.).

Нужно особо отметить что, мечи с серповидным навершием не встречается ни в одном диагональном погребении. Это говорит о том, что среднесарматская культура получает широкое распространение только с рубежа нашей эры.

Погребальные памятники рассматриваемого времени являются рядовыми в отличие от аналогичных Дона и Поволжья. Это объясняется природно-климатическими факторами. К рубежу эр происходит ухудшение экологической ситуации. Отток населения происходит уже III-I вв. до н. э.

Культура рубежа эр складывается в результате симбиоза поздне-прохоровского населения с кочевниками, пришедшими с территории Средней Азии. Они привнесли инновации, которые трансформировали раннесарматскую культуру, в результате которой появилась новая культура сильно отличающаяся от предшествующей.

Некоторые аспекты военного дела кыпчакских племен Западного Казахстана (XII - XIV)

Предметы вооружения кыпчакского времени (XII-XIV вв.), представлены в материалах могильников Лебедевка -VIII., Жарсуат - I, Шалкар - IV, Мамбетбай, Худай-Берген, Уркач-I и т.д.

Комплекс вооружения в рассматриваемых погребениях представлен предметами вооружения дистанционного боя: наконечники стрел (железные и костяные), колчаны и костяные накладки на лук; и предметами ближнего боя: сабли, копья, кинжалы, а также доспехи и оборонительные детали. Практически весь материал укладывается в типологию, разработанную Г.А. Федоровым-Давыдовым, за исключением коллекции наконечников стрел представленных в экспозиции АОИКМ. Все наконечники данной серии железные, черешковые по сечению пера подразделяются на три группы.

Группа I. Линзовидные.

Тип I. Боеголовковые (1 экз.). Имеет остроугольное острие, выделенную боевую головку, удлиненную шейку и линзовидное сечение. Наконечники данного типа широко известны по памятникам XI-XIV вв. в Центральной Азии.

Тип II. Удлиненно-шестиугольные (1 экз.).

Группа II. Плоские.

Тип I. Ассиметрично-ромбические (1 экз.). Наконечник имеет тупоугольное острие, покатые плечики и упор. Наконечники данного типа широко представлены в памятниках XIII-XIV вв. в Средней Азии, Казахстане, Алтае, Поволжье, Урале и Южной Сибири. Такие типы наконечников существовали на востоке Центральной Азии в течение всего средневековья. На данную территорию могли быть принесены кыпчаками или в монгольскую эпоху.

Тип II. Секторные (1 экз.).

Наконечник имеет округлое острие, покатые плечики и упор. Секторные наконечники, как и наконечники типа - I, были известны с хунского времени, но более широкое распространение получили в тюркскую эпоху. В монгольское время они входят в число ведущих типов наконечников стрел кочевников степей Евразии.

Тип III. Двурогие (1 экз.).

Плоское широкое перо, острие расковано на два отдельных зубца, направленных под острым углом к поражаемой поверхности. Данный тип наконечников традиционно считается охотничьим "для охоты на птиц, и летучую дичь". Получили широкое распространение во II тыс.н.э.

Тип IV. Удлиненно-ромбические (1 экз.).

Наконечник имеет остроугольное острие, покатые плечики и упор. Широко распространены в эпоху средневековья.

Группа III. Ромбические.

Тип I. Удлиненно-шестиугольные (один экземпляр).

Ромбический в сечении тип наконечника имеет остроугольное острие, широкие плечики и упор.

Тип II. Удлиненно-шестиугольные (один экземпляр).

Почти однотипен типу I, но имеет вариацию в размерах и в отсутствии упора.

Тип III. Пирамидальные (один экземпляр).

Бронебойный наконечник. Ромбический в сечении наконечник, имеет прямые плечики, но отсутствует упор. Широко распространен в монгольскую эпоху.

При относительной немногочисленности коллекция наконечников весьма показательна в том отношении, что все представленные типы наконечников стрел имеют широкий хронологический диапазон бытования с XI-XV вв. и отражает ситуацию, происходящую в регионе на данном хронологическом этапе.

Луки. Луки представляют собой классический вариант луков "сросткинского типа". В погребениях кибить сохраняется, но присутствуют срединные, концевые и редко фронтальные костяные накладки на лук.

Колчаны в основном изготовлялись из бересты, в виде расширяющегося к днищу цилиндра, в котором стрелы находились наконечниками вверх. Показательным в данном случае является колчан из погр. №15, мог-ка Уркач-I.

Сабли. Встречен один экземпляр. Длина около 1 метра, ромбического и линзовидного сечения, представлены в погр. №3 мог-ка Мамбетбай. Малочисленность материала говорит о дороговизне и трудоемкости данного типа вооружения, и характеризует элитные погребения кочевой знати.

Кинжалы. Данный тип вооружения использовался на финальном этапе сражения, как колющее оружие для удара в ближнем бою. Со временем теряет свою роль, и становится украшением, элементом поясной гарнитуры. Найден в кург. №6 мог-ка Лебедевка – VIII.

Защитное вооружение кыпчаков встречается в погребениях достаточно редко. В погр. №3 мог-ка Мамбетбай найдены шесть пластин от панциря.

Панцирные пластины отдаленно напоминают ранние панцири Кимаков. Вероятно, это говорит о том, что кыпчаки продолжают использовать элементы вооружения, привнесенные с берегов Иртыша.

Шлемы на данный момент в погребениях не зафиксированы, но наличие их у кыпчаков подтверждают находки в синхронных памятниках Южного Урала, а также изображение данного вида защитного вооружения на половецких каменных изваяниях с территории Восточной Европы.

К защитному вооружению также относятся четыре бронзовых, и один железный однотипные наколенники, имеющие вид выдавленной округлой пластины, с двумя отверстиями для крепления с помощью ремней.

Таким образом, анализ вооружения средневековых кочевников Западного Казахстана позволяет делать следующие выводы:

1. Кочевники представленного хронологического периода использовали тактику ведения боя однотипную более ранним кочевым объединениям, т.е., бой носил дистанционный характер по отношению к тяжеловооруженному противнику

2. Кочевники региона в большинстве своем были легковооружены. Но, нельзя отвергать тот факт, что кочевая знать имела тяжелое вооружение, и данные отряды знати могли, быть использованы в бою на решающих этапах.

3. В оружии кыпчаков явно присутствуют следы контактов с населением Южной Сибири и Восточной Европы.

Оценивая развитие вооружения кочевников региона необходимо отметить его высокий уровень и своеобразие. В отличие от населения Южной Сибири у кочевников региона не получила широкого распространения тяжеловооруженная конница, хотя несомненно, что у номадов региона присутствовали отряды панцирных воинов.

Функции оружия в культуре древних кочевников

В начале I тысячелетия появляются более качественные формы оружия. Этот процесс продиктован временем, наполненным войнами, где каждый член общества становится защитником. В обществе древних кочевников война становится смыслом жизни, а также основным источником новых пастбищных земель.

Рассматриваемые предметы изначально являются одной из основных проблем в повседневной жизни кочевников и усовершенствовались с развитием общества военной демократии.

Одновременно с развитием форм, оружия обогащаются разными украшениями, декором. Древние оружейники с мастерством совместили форму оружия и технические характеристики с декором. Украшениями сакского оружия стали образы зверей и мифических существ (грифоны). В основном для украшения использовались образы хищных зверей (кабан, волк, барс и т.д.), а также травоядные (олень, лошадь и т.д.).

Постепенно предметы вооружения наделяются конкретными смысловыми, магическими понятиями. Появляются такие понятия, как овладения природными качествами зверей посредством изображения их на данных предметах. Так предметы воинской экипировки превращаются в "книгу" существовавшей некогда культуры, выработавшей их.

Таким образом, для прочтения так называемой "книги" следует определить функциональные особенности в культуре кочевников.

По уровню развития оружия, а также по внешним признакам можно судить о разносторонних функциях данных предметов.

В результате многостороннего анализа рассматриваемых предметов можно утверждать о нижеперчисленных функциях: собственно-военная, социальная маркировка, сакральная.

Собственно-военная функция – в обществе военной демократии предметы вооружения модифицируются, появляются более качественные формы оружия. С появлением новых видов наступательного оружия вырабатываются новые защитные одежды. Война становится средством культурных, экономических и политических взаимоотношений. Данная функция диктовала форму, материал и структуру предметов вооружения;

Функция социальной маркировки – атрибутами власти являются полный набор оружия. Для становления оружия как атрибута власти, требовались дополнительные вложения труда и материалов, которые уходили на украшения оружия, в первую очередь в зверином стиле. Экипировка Иссыкского "золотого человека" позволяет утверждать, что он при жизни был знатным членом общества. По мнению А.К. Акишева здесь захоронен воин являющийся тенью бога солнца.

Наборные пояса, сопровождавшиеся кинжалом, колчаном и другими элементами экипировки, являлись одним из традиционных и

излюбленных предметов снаряжения всадника – воина. В отношении поясов, их оформления, а также ношения в древних обществах существовал, широки набор понятий и традиций. Сложность украшения пояса, сама его парадность были привилегией элитных групп.

Сакральная функция – функциональный смысл оружия дополнялся образом зверя, таким образом, оружие и образ были одним целым. Сакральную функцию выполняли в основном кинжалы, мечи и чеканы. Меч или кинжал является составной частью сакральной оси, соединявшей мир живых и мир умерших. На оружии предназначенном для сакрального действия изображались звери, с которыми отождествлялись боги, а также мифические существа-грифоны.

На чеканах отображались архары и грифоны. Архары обитают на высокогорьях, поэтому древние племена считали это животное воплощением бога солнца. Грифон по мировоззрению древних является медиатором, оберегом, сопровождающим умершего в мир мертвых. Чеканы использовались для умерщвления ритуальных животных, в частности лошадей, о чем свидетельствуют черепа лошадей с круглыми отверстиями найденные в могильнике Берел.

В древнем обществе знатному воину постепенно приписывают магическую силу – защитника от потусторонних сил. Воин становился оберегом, отождествлялся с вождем, богом, таким образом, он выполнял жреческие функции.

По мнению Н. Шахановой: “одежда является “зеркалом” отразившем в себе мировоззрения народов”. Этнографические материалы казахов наполнены сведениями о разносторонних функциях экипировки.

Делая выводы можно утверждать, что определение и детальное изучение каждой функции даст возможность более глубокому исследованию древней культуры номадов.

Погребальная керамическая посуда VII-IV вв. до н.э. саков Семиречья и Нижней Сырдарьи

Эпоха саков является важным этапом в древней истории Казахстана.

Основным материалом, полученным в результате исследования сакских памятников, является керамика.

Наиболее изученными являются две территории - низовья Сырдарьи и Семиречье. Исходя из этого в качестве объекта изучения, была анализирована керамика этих регионов.

В числе раскопанных объектов восточного Приаралья особое место занимают курганные могильники Южный Тагискен и Уйгарак, расположенные на самом южном протоке древнего русла Сырдарьи - Инкардарье.

Ритуал захоронений и характер погребального инвентаря позволил считать оба могильника, практически, синхронными, с той лишь разницей, что Южный Тагискен датируется VII-V вв. до н.э., а захоронения Уйгарака - преимущественно VII-VI вв. до н.э. Погребения V в. до н.э. там единичны.

На могильнике Уйгарак посуда из обожженной глины входила в состав погребального инвентаря 16 могил, в одной из которых совершено парное захоронение, а в другой погребено 3 покойника. Число сосудов в могилах разное - от 1 до 3 экземпляров. Благодаря этому коллекция насчитывает 26 сосудов. В ряде женских могил были зафиксированы находки 6 небольших сосудинок, назначение которых связывают с культовыми отправлениями.

По своему хозяйственному назначению большая часть посуды "столовая". По технологии изготовления она делится на станковую и лепную. Лепных сосудов обнаружено 7, а станковых - 5. Вся лепная посуда местного изготовления, а станковая - привозная.

Лепная посуда изготовлена из довольно плотной глиняной массы с незначительной примесью мелкого песка, шамота и в некоторых случаях гипса, принявшей при обжиге темно-серый цвет. По имеющемуся материалу можно выделить несколько типов: чаши и миски, баночные сосуды, кувшины, горшки, кружки (категория выделена в самостоятельную группу по наличию ручки), сосуды с трубчатым носиком-сливом, миниатюрные сосудики из женских погребений, относятся к категории культовых.

Станковая посуда представлена двумя чашами, кубком, горшком и кувшином. Все они, за исключением кувшина, сформованы из хорошо отмученной глины без примесей, принявшей при обжиге красноватый цвет. Кувшин сероглиняный, из теста того же качества и состава.

Из 37 курганов могильника Южный Тагискен в 10 обнаружена керамика. Керамика имеется и в мужских и в женских погребениях.

Обычно это 1 или 2 сосуда, редко — три. Как правило, сосуды стояли в ногах погребенного.

Все сосуды лепные, сделаны из глины с примесью шамота и мелких известковых частиц. Они имеют серый или коричневый цвет, иногда покрыты жидкой глиняной облицовкой. Поверхность сосудов затерта, в единичных случаях встречены следы лощения. Черепок довольно грубый, обжиг костровой. Все сосуды плоскодонные. Край их в большинстве случаев уплощен.

Среди археологически целых и восстановленных сосудов отчетливо выделяются следующие формы: кринкообразные горшки; грушевидные сосуды; сосуды с трубчатым носиком; баночного типа; горшкообразные сосуды со сферическим туловом. Обращает на себя внимание бокальчик с обломанной ножкой из кургана 9. Аналогии ему есть в тагарских комплексах, по видимому принадлежали к типу массовой посуды.

По исследованиям могильников Семиречья в нашем распоряжении имеются материалы 35 курганов, раскопанных в 6 могильниках. Изученные погребения охватывают весь сакский период (VII-IV вв. до н.э.).

К раннему этапу сакской культуры (VII-VI вв. до н.э.) относятся могильники Каргалы I и Алтын-Эмель II. В работе Бернштам А.Н. описывает лишь один сосуд. Сосуд типичный сако-усуньский, с шаровидным туловом, венчик широкий, отогнутый наружу, дно выпуклое. Все раскопанные погребения могильника Алтын-Эмель II оказались ограбленными.

Сравнительно лучше изучены памятники позднесакского периода (V-IV вв. до н.э.). Погребения этого времени исследованы в могильниках Жуантобе, Кадырбай III, Карашоки и Кзылауз I.

Полностью исследован могильник Кзылауз I. Под насыпями 17 курганов открыто 27 грунтовых могил, найдено 33 скелета. Во всех погребениях наблюдается устойчивый погребальный обряд и однотипный сопровождающий инвентарь.

Основным датирующим материалом могильника служит глиняная посуда, особенно сосуды с носиком и петлевидной ручкой, обнаруженных в курганах 9 и 19. Такого типа чайникообразные сосуды имеют широкие аналогии в памятниках позднесакского времени на территории Средней Азии и Казахстан.

Сакская глиняная посуда разнообразна по форме и емкости, что говорит о ее различном функциональном назначении. Четко можно выделить 5 типов сосудов: горшки с носиком и петлеобразной ручкой; низкие округлые чаши; кружки с петлеобразной ручкой; кринкообразные горшки.

Вся посуда не имеет на внешней поверхности следов закопчения. Несомненно, она была не кухонной, а столовой. Кухонная посуда была более толстостенная, изготовлена грубее и большей емкости. В отличие от столовой, она была малочисленна и менее разнообразна.

Разнообразие столовой посуды свидетельствует о росте культуры быта сакских племен.

Лепная посуда могильников Уйгарак и Южный Тагискен больше всего напоминает сакскую керамику. В середине I тысячелетия до н.э. в Средней Азии и в Семиречье получают широкое распространение грушевидные сосуды, полусферические чаши и миски, кружки, сосуды с трубчатым носиком-сливом. Для каждого из этих районов есть локальные различия, выражающиеся в преобладании тех или иных форм. Сходство форм дополняется и некоторыми общими для этих районов приемами отделки сосудов, например, покрытием поверхности ряда сосудов светлой жидкой облицовкой, а в некоторых случаях и красной краской. Все это дает возможность считать керамические комплексы двух регионов локальными вариантами сакской посуды.

Кыпчакская проблема в археологии Казахстана

Кыпчакский период в истории Казахстана датируется XI-XIII вв., (существует мнение, что он продолжается до XIV в.) В это время в степях современного Казахстана размещаются родовые земли восточно-кыпчакских племен. Деяния их широко известны по письменным источникам, фиксирующих различные события жизни степняков. Археологическое изучение памятников кыпчакского времени осуществляется учеными уже на протяжении последних нескольких десятилетий. На данном уровне исследования, представляется вполне целесообразным подведение некоторых итогов.

В 1950-60 гг. в результате проведения широкомасштабных работ на территории Центрального Казахстана, А.Х.Маргулан выявил многочисленные остатки оседлых поселений, культурная принадлежность которых была определена им как кыпчакская.

В конце 60-ых гг. Ф.Х.Арсланова проводит первую систематизацию средневековых древностей Восточного Казахстана. Были проанализированы материалы 52 курганов из Павлодарского Прииртышья, датируемых VII-XII вв. Археологический материал охарактеризовал время существования общности кимако-кыпчакских племен. Эти данные были дополнены лишь 20 лет спустя в результате проведения раскопочных работ в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Авторы публикации называют погребение человека в сопровождении туши коня или его частей наиболее характерным элементом кыпчакской погребальной обрядности. Важным свидетельством принадлежности этого элемента именно кыпчакам является факт появления его на территории Восточного Казахстана с VIII в, когда кыпчакские племена проникают на эту территорию в связи с разгромом II Тюркского каганата.

На всем протяжении изучения кыпчакских древностей публикуются материалы единичных памятников этого времени с территории Центрального Казахстана. На этом этапе изучения таковыми являются публикации материалов курганный группы Жартас и кургана Тасмола IV, датируемых исследователями XIV в.

Материалы Западного Казахстана введены в научный оборот Г.А.Кушаевым, В.А.Кригером, А.А.Бисембаевым. Материалы региона иллюстрируют время наибольшего распространения кыпчакских племен, когда практически вся территория современного Казахстана входит в состав Дешт-и Кыпчака. Систематизация памятников эпохи средневековья Западного Казахстана осуществлена А.А.Бисембаевым в рамках кандидатской диссертации. Кыпчакский период охарактеризован им по данным 103 погребений. По мнению автора, происходит некоторая унификация погребального обряда племен, заселяющих регион в этот период. Кыпчакские племена продолжают расселяться

здесь и после монгольского нашествия. Имеющиеся инновации в погребальном обряде, знаменующие начало золотоордынского периода в истории насельников срединной Евразии, не обусловлены изменениями этнической картины региона.

Продолжают публиковаться отдельные погребения кыпчакского времени (по Северному Казахстану – статьи С.О.Миллера, С.Г.Боталова, В.П.Костюкова, Г.А.Базарбаевой; по Центральному Казахстану – статьи Э.Р.Усмановой; А.З.Бейсенова, Д.А. Кожаква, В.С. Волошина (Миллер, 1992; Боталов, Костюков, 1993; Базарбаева, 1999; Усманова, 1986; Бейсенов, Кожаква, 2001; Бейсенов, Волошин, 2002)).

Отдельное направление научного поиска взято Л.Н.Ермоленко. Она анализирует жертвенно-поминальные памятники кыпчакского времени (изваяния и ограды). Намечены некоторые подходы к реконструкции духовной культуры степных племен Евразии.

Таково современное состояние изученности кыпчакского периода в археологии Казахстана. Несмотря на преимущественное изучение реалий погребальной обрядности, необходимо отметить отсутствие разработок по выработке археологических критериев культуры кыпчаков. Впрочем, эта ситуация характерна для многих этносов степной Евразии. Возможно, причиной этого является различная степень изученности региона. Открытым остается вопрос о кыпчакской принадлежности памятников оседлой культуры Центрального Казахстана. В рамках этих направлений и возможно в будущем наиболее полное освещение кыпчакского периода в истории Казахстана.

Некоторые вопросы искусства древних кочевников Западного Казахстана

Искусство древних племен проживавших на территории Западного Казахстана в раннем железном веке представляет собой вариант скифо-сибирского звериного стиля. Полное исследование наследств этих древних народов известных в науке под условными названиями "савромато-сарматов", "дахо-массагетов" и других имеет особо важную роль. Эти племена являются дальними предками нашего народа и соответственно оставленные ими исторические наследия, неповторимые произведения искусства также являются источником и фундаментом средневекового тюркского и позднего казахского прикладного искусства.

В целом специальных работ посвященных к искусству ранних кочевников, в том числе к искусству и мифологии древних племен Западного Казахстана единичны. Некоторые вопросы древней культуры савромато-сарматских племен были отражены в научных трудах К.Ф. Смирнова, Л.Я. Маловицкой, И.П. Засецкой, Е.Ф. Чежиной-Корольковой и др. Эти исследования в основном были посвящены к произведениям искусства племен Поволжья и Приуралья. Искусство древних кочевников Западного Казахстана и Арало-Каспия долгое время рассматривалась вместе со скифской культурой Северного Причерноморья и Кавказа и сакской – Сибири и Казахстана. "Савромато-сарматская" культура была расположена между двумя этими обширными культурными общностями и с недостаточностью археологических материалов не смогла утвердиться как самостоятельная культура. К памятникам и искусству данного региона стали уделять внимание с II-пол. прошлого столетия, в связи с открытиями новых выдающихся памятников савроматов и сарматов. В тот же период появились некоторые публикации касающихся непосредственно искусства вышеназванных племен.

В последнее время появились новые суждения по поводу искусства "савромато-сарматских" племен, а также их расселения. Введенный в научный оборот К.Ф. Смирновым термин "савромато-сарматский звериный стиль" как однородное явление вызывает у некоторых исследователей сомнение. Подвергаются критике некоторые научные гипотезы Б.М. Гракова о генетической преемственности савроматов и сарматов, повлиявших на суждения об их культуре. Большое значение стали придавать взглядам крупного ученого дореволюционного периода М.И. Ростовцева, отвергавшего всякую преемственность этих двух древних общин. В связи с этими возникли необходимость пересмотреть установившихся в науке взглядов связанных с их культурой на основе новых материалов и гипотез.

Нашей целью является исследование искусства древних кочевников Западного Казахстана, сопоставляя его с аналогичными искус-

ствами соседних регионов; определить своеобразные особенности, художественные черты местного звериного стиля, а также выделить ее в особую группу. Искусство данного региона заметно отличается от скифо-сакского искусства. Обращая на это особое внимание, наряду общей мифологией, очень важна попытка определения их этнического происхождения.

В решении этих вопросов поставлены следующие задачи:

- освоение всех произведений искусств региона изготовленных в зверином стиле;

- анализ каждого образа и мотива;

- определение их семантики;

- классификация и типологии;

- аналогии

При нынешних условиях независимого Казахстана, исследование древней культуры отражающий уровень развития цивилизации в целом, являются важной задачей. Поэтому считаем необходимым все-стороннее изучение искусства и культуры, мифологии и идеологии, этнической принадлежности древних кочевников, обитавших в степных просторах нашего Отечества.

Погребения Богенского водохранилища

В 1996г. в ходе охранных археологических работ экспедиции ЮКОМ в ложе Бугуньского водохранилища, построенного в 1967г. и составляющего часть Арысь-Туркестанской оросительной системы, были обнаружены три погребения. Располагались они в юго-восточном направлении от дамбы "Каражантак", около 500 метров от её западной оконечности.

Погребение I. На уровне современной поверхности выделялись керамические лепные сосуды. Тесто рыхлое, с большой долей дробленого кварцита, черепок в изломе темно-коричневого цвета. Плоскодонный горшок с частью сохранившихся стенок и обломанным венчиком. Внутри была помещена керамическая курильница прямоугольной формы. В длинных сторонах бортиков проделаны отверстия для подвешивания. На дне курильницы замечены следы обугленной органики. Рядом стояла кружка-кувшин небольших размеров.

После дальнейшей зачистки был обнаружен женский скелет в анатомическом порядке в вытянутом положении на спине, головой на Ю.З. Длина костяка 1,5 метра. Кости погребенной сильно разрушены, череп раздавлен. У левого предплечья найдено каменное пряслице из мраморизированного известняка, матово-белого цвета, орудия ткацкого производства, часто встречаемого в женских погребениях предтюркского, тюркского времен. Справа, между верхними ребрами и плечевой костью, лежала сильно коррозированная железная пластина неизвестного назначения. К С.В. от костяка находилась заупокойная пища (передняя часть овцы с лопаткой) и миниатюрный черешковый разделочный нож трёхгранного сечения, найдена также часть иглообразной подвески, возможно из свинцовой бронзы.

Описанный обряд, керамические сосуды (в особенности курильница) находят самые широкие параллели в погребальных памятниках бассейнов Средней Сырдарьи и Арыси I - IV вв. н.э. - времени государства Канцзюй.

Последующие погребения отстояли в 120-ти метрах к западу от первого.

Погребение II. В 120 метрах к западу от первого. На уровне современной поверхности лежал лепной горшкообразный сосуд в положении на боку. Он грубой выделки, тесто пористое с многочисленными включениями дробленого кварцита и рубленой травы (?), в изломе черепок, коричнево-черного цвета. Венчик утолщён и отогнут наружу.

В 20 см. к северу от горшка расчищен мужской скелет. Длина костяка 1,4 метра. Кости погребенного очень плохой сохранности. Череп разрушен, кости голени и стоп отсутствовали. Ориентирован головой на З. Слева на тазобедренных костях лежала массивная железная

пряжка. Она относится к овально-рамчатому типу пряжек, изготовлена из круглого в сечении прута. Язычок подвижный, вращавшийся на основании рамки. У правого бедра лежал железный обоюдоострый кинжал с плавными уступами, переходящими в обрубок черешка.

Находки массивной подпружной пряжки конской сбруи и горшка баночной формы с примесью органики в тесте позволяет связать погребальный обряд со средневековыми номадами кыпчакского круга племен. Бытование подобной керамики отмечено в материалах раскопок памятников оставленных половцами и печенегам южнорусских степей X-XI вв., хотя появилась она и была повсеместно распространена уже в VII-VIII вв. на огромной территории евразийских степей. Прямой аналогии нашему кинжалу мы не нашли, что может быть объяснимо отдельным фактом наличия "своеобразных черт, обусловленных этнической спецификой населения локальных районов". Исследователи, отмечают также характерную для начала II тысячелетия нашей эры смену ориентировки погребённых с В. и С.В. на С. и С.З. Предположительная датировка погребения хронологически широкая – рубеж I - начало II тыс. н.э.

Погребение III. Мужской скелет удовлетворительной сохранности, ориентирован головой на С.З. Длина костяка 1,67 метра. В атрибуцию погребения входили, высокой степени коррозии, элементы конского снаряжения – отдельные фрагменты железных стремян, колец и других трудноопределяемых деталей, обнаруженных в районе левой стопы. Однолезвийный, трёхгранный в сечении, черешковый нож с уступом, найденный у кисти левой руки. У тазовых костей открыты элементы наборного пояса из позолоченной бронзы: три трапециевидные бляхи – две центральные и одна фрагментированная концевая, 10 сегментовидных поясных накладок. Поделки имели отверстия, через которые посредством небольших шпеньков крепились к кожаной основе пояса. Здесь же ременная пронизка со следами обмотки шелковой (?) тканью. Между ног у основания бедренных костей четыре железные, плоские, черешковые стрелы, имеющие упор, все хорошей сохранности.

Подтверждением относительно высокого социального статуса погребенного служит находка поясной гарнитуры, в декоре которой использовано золото, маркирующее знатность и воинский ранг владельца. Придание поясному убранству геометрических форм (у нас сегмент и трапеция) стало господствующим в тюркское время, продолжая развиваться в культурно-локальных традициях средневековых кочевников Алтая, Южной Сибири до казахстанских степей.

Наконечники стрел Богенского погребения в виде расширяющейся лопаточки определяются А.Ф. Медведевым как срезни с тупоугольными и дугообразными остриями. Они крупных размеров: общая длина наконечника от 9 до 12,5 см., ширина пера от 1,7 до 2,4 см., их исходные формы появляются в начале II тыс. и господствуют к середине пер. пол. II тыс. н.э. О всеобщем для кочевого мира перевоору-

жении на плоские стрелы на рубеже I — нач. II тыс. н.э. пишет и Ю.С. Худяков. В Казахстане аналогии нашим стрелам встречены в могильнике Тасмола. С достаточной уверенностью можно констатировать, что кочевнические погребения II, III происходят из курганного могильника кыпчакской общности племен, оставленного на пути меридиональных маршрутов их кочевания и в наше время уничтоженного водами водохранилища.

Археологические исследования некрополя городища Жаик

С 2001 года УКАЭ проводятся исследования средневекового городища Жаик, расположенного в 10 км от южной окраины г. Уральска, Западно-Казахстанской области. В результате работ на городище вскрыты кирпичеобжигательная печь, баня и ряд жилых усадеб, включающих в себя жилые и хозяйственные помещения. Параллельно, в 2002 году начаты работы на некрополе, расположенного к северо-западу от городища, на ближайших участках вершины Свистун горы. На некрополе раскопаны двухкамерный мавзолей, “большой мавзолей”, цокольная часть башнеобразного сооружения.

Двухкамерный мавзолей. Сохранность его такова, что можно определить лишь в общем виде параметры и облик этого мемориального сооружения. Очевидно, что, как и остальные постройки из обожженного кирпича, руины мавзолея стали своеобразным карьером для добычи строительных материалов. Мавзолей состоит из двух помещений, первая – зиаратхана, вторая – усыпальница (гурхана). По периметру дна могильной ямы сооружен склеп трапециевидной в плане формы, из обожженных кирпичей. Погребение разграблено.

“Большой мавзолей”. Расчистка остатков строительных конструкций показала, что здесь в XIV в. был построен великолепный памятник мемориальной архитектуры, своего рода “родовая” усыпальница. В центре портала мавзолея располагалась глубокая входная ниша – айван. Перед порталом располагался обширный двор, вымощенный квадратным обожженным кирпичом и огражденный мощной сырцово-вой стеной. Мавзолей также состоял из двух помещений, первая – зиаратхана, вторая – гурхана. В гурхане расчищено одиннадцать погребений, из них пять детских. Разнообразие устройств погребальных сооружений выявленных в гурхане достаточно полно отражает репертуар погребальных сооружений городских некрополей Золотоордынской эпохи в евразийских степях. Есть основания считать, что все погребения совершены в период функционирования мавзолея как фамильной усыпальницы представителей социально-политической элиты приджаикской части Золотой орды. К сожалению, захоронения ограблены еще в древности. Сохранившийся детали погребального инвентаря – частично сохранившийся конструкции склепов из обожженного кирпича, остатки и железные крепления от гроба, кожа от обуви, железное кресало, бронзовые бубенчики, небольшой железный нож, куски истлевшего дерева и т.д. В одном из погребений обнаружены золотые серьги.

Здание было богато декорировано, особенно портал, полихромной глазурованной облицовочной плиткой. Общий колорит декора был выдержан в традиционных сине-бело-голубых тонах. Основной категорией находок при расчистке мавзолеев являются целые так и облом-

ки глазурованных облицовочных плиток различных форм. Интерьер помещений был украшен глазурованными синими (кобальт) плитками с эпиграфической росписью золотом, с геометрическими и растительным орнаментом.

Основание башни. В результате расчисток небольшого холма выявилось основание круглой в плане постройки с очень массивными стенами. Наружный диаметр круга 8,5 м. Стена толщиной 2 м, сложена кладкой из двух рядов сырцовых блоков размерами 0,7 х 0,7 м и обожженного кирпича с наружной стороны. Сохранившаяся высота кладки стены до 0,8 м. Вдоль наружного контура основания стены проходит узкая отмостка высотой в два кирпича, фиксирующая уровень древней дневной поверхности. Внутреннее пространство диаметром 4,5 м состоит из желтоватой материковой глины без следов могильной ямы, или каких либо перекопов.

Работы на данном объекте не завершены. Пока же можно предположить, что здесь сохранилась цокольная часть, какой то круглой в плане башнеобразной культово-мемориальной постройки.

Раскопки и исследования культово-мемориальных сооружений на некрополе позволяют уточнить датировку существования самого городища "Жаик" XIV вв. Как известно, ислам официально становится государственной религией в Золотой Орде при хане Узбеке. Вероятно, что именно с этого времени на данной территории впервые в массовом порядке появляются исламские некрополи с мемориально-культовыми постройками среднеазиатского типа. Обряд погребения — трупоположение головой на северо-запад, в одежде с личными вещами, в деревянном гробу на дне могильной ямы в кирпичном склепе — соответствует погребальной обрядности кочевников недавно принявших ислам. По своему архитектурному типу данные мавзолеи, можно отнести к "фасадным двухкамерным мавзолеям продольно осевой планировки", сложившиеся в Центральной Азии ко второй половине XIV вв. Генезис этого типа мемориальных построек на почве Средней Азии и Хорасана специалисты относят к XI-XII вв. Но закрепиться в ставшей традиционной и широко распространенной в XIII-XIV вв. архитектурной форме идея двухкамерного мавзолея могла и на территории Поволжской части Золотой Орды. Непосредственным источником этой архитектурной формы является Хорезм, где она прошла все этапы эволюции, и представлена большим разнообразием вариантов.

Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины

Находки несторианских нательных крестов и сходных им по размерам и функциональному назначению христианских культовых предметов (подвески с христианскими изображениями и символами), изготовленных из различного материала: металл — бронза, серебро, камень — нефрит являются достаточно распространенными в Жетысу и, в особенности, в Чуйской долине. В частности, среди находок, сделанных при раскопках поздней несторианской церкви Ак-Бешима (Суяба) по словам Г.Л. Семенова, следует отметить нательный нефритовый крест. Само строение церкви датируется X-началом XI вв. Другой нательный крест из нефрита найден на Краснореченском городище.

Случаются находки предметов христианского культа из нефрита и в казахстанской части Чуйской долины, в частности на городище Актобе (Степнинское), расположенном на верхней террасе р. Аксу, в ходе археологического обследования городища археологом Ф.П. Григорьевым в яме на берегу реки была найдена подвеска из полупрозрачного светло-серого нефрита.

Подвеска подпрямоугольной формы (3,5х3,1х0,5 см), очевидно ушко для подвешивания предмета было отломано. На поверхности лицевой стороны (более зашлифованной) рельефно вырезан крест — широкий и равноконечный (по-видимому, — несторианский). Лопастей креста — представляют из себя четырехугольники подквадратной формы, разделенные на прямоугольники пятью-семью прочерченными крест на крест рельефными линиями. Кроме того, в центре подвески — месте перекрестия лопастей, в просверленном насквозь отверстии (диаметром 0,5-0,6 см) — вставка цилиндрической формы, выточенная из минерала зеленого цвета (жадеита ?). Датировка предмета затруднена, так как была найдена в мусорной яме, обнаженной эрозией почвы берега реки, среди фрагментов керамики VIII-X вв.

Данная находка подвески с христианской символикой служит свидетельством наличия в городе христиан, несторианского толка, наличие которых было отмечено ранее в результате археологических раскопок, вскрывших винодельню городища, пол которой был вымощен жженым кирпичом с прочерченными изображениями крестов. Уже отмечалось, что производство вина в регионе находилось в руках христиан (несториан). В частности, во второй церкви на Ак-бешимском городище часть боковых помещений была использована в качестве винодавильни и хранилищ для вина, что наводит на мысль о возможном наличии церкви и на городище Актобе.

Главным центром добычи нефрита был город Хотан в Восточном Туркестане. Было бы логичным связывать, распространение нефритовых поделок в регионе с влиянием Китая, а несторианские предметы из нефрита могли получить распространение с середины VII в. — вре-

мени проникновения несторианской миссии в области Центрального Китая, и особенно со второй половиной IX в. — временем запрещения всех религий в Китае (845 г.), за исключением традиционного даосизма. Известно свидетельство несторианского монаха от 980 г., вернувшегося из Китая, посланного туда из Багдада для того, чтобы найти оставшихся после гонений христиан, но так и не обнаружившего живых остатков христианства. Развалины известной церкви в Гоачани с христианскими фресками датируются IX-X в., т.е. в Западном Китае и Восточном Туркестане христианство все же существовало еще некоторое время после запрещения религий в Центральном Китае.

Одним из центров несторианства Центральной Азии в средние века была Чуйская долина, по которой проходила оживленная трасса Шелкового пути. При этом уверенно можно говорить о широком проникновении христиан (несториан) в регион с VI в. связывать которое нужно с согдийцами (ортодоксальное христианство проникает в Согдиану в IV в, в Мерв — начало III в., уже к концу III в. в Персии, маздеизмским жрецом Картиром были организованы значительные гонения на христиан). Согдийцы, основавшие свои укрепленные поселения и города вплоть до Ордоса были, главными хозяевами торгового пути. Торговцы легко перемещались по землям этнически родственных государств Сасанидского Ирана, Парфии, достигая центров Римской Империи, приняв христианскую веру, в то время как другие согдийцы, ходившие в кушанские земли принимали буддизм. Известный исследователь восточного христианства начала двадцатого века Альфонс Мингана говорил о двадцати епископствах, в землях к востоку от Амударьи. Известно об основании несторианского епископства в Самарканде — столице Согда в V в., позднее преобразованного в митрополию.

Несмотря на то, что сирийский язык был языком литургии несторианской церкви, согдийский язык был основным языком общения на Великом Шелковом пути на протяжении нескольких столетий. Среди несторианских текстов, найденных в бассейне р. Тарим немецкими экспедициями 1902-1914 гг. значительная доля на согдийском языке, а у большинства прослеживается факт перевода с согдийских версий. В значительной степени на согдийском языке по всей Азии распространилось не только христианство, но и буддизм, и манихейство.

О первом знакомстве тюрок с христианством пишет А. Мингана и относит этот факт приблизительно к 550 г., когда священники из Персии проповедовали христианство, а также пытались приспособить сирийскую графику для тюркского языка. Очевидно, об этом же пишет и А. Акишев, упоминая об обращении многих тюрок между Аму и Сырдарьей, начиная с 544 г., а в 549 г. посвящение епископа эфталитов, которых стали называть гунны-христиане. К 644 г. относятся известия о том, что митрополит Илья Мервский смог произвести сильное впечатление на тюркского правителя тем, что несколько раз останавливал бурю крестным знаменем. К концу VIII в. назрела

необходимость учреждения тюркской митрополии в Средней Азии, она была учреждена при патриархе Тимофее в 781-782 гг., очевидно в Самарканде (Bel TurKaye), также Мингана приводит письменные свидетельства успеха миссионеров, вместе с торговым караваном, отправившиеся в земли тюрков и докладывавшим о дальней поездке и успехе миссии патриарху в письме. Есть некоторые данные и об учреждении епископства в Отраре — столице огузов, обратившихся в христианство.

Традиционно к 1007 г. относят известия источников о крещении 200 тысяч тюрков и монголов (кераитов?). Об этом пишет яковитский писатель Бар Эбраус, которому это событие было подробно описано торговцами, предположительно согдийцами. Известно, что именно этот факт привлек внимание католической церкви и вызвал поток путешественников, а затем и миссионеров XII-XIV вв. из Западной Европы.

В период кара-китаев в 1180 г. была учреждена митрополия Кашгара и Невакета, осуществлявшая руководство церковной жизнью Восточного Туркестана и Семиречья. Митрополия в Семиречье могла возникнуть только на базе нескольких епископств, связанных с приходом кара-китаев с востока и поднявших численность христиан региона.

Очевидно, что публикуемая находка из нефрита является достаточно распространенным предметом несторианского культа для региона не только Чуйской долины, но и всего региона, в значительной степени объединенного общей культурной жизнью — Восточного Туркестана и Семиречья в период IX — начала XI вв. и связан с оттоком несториан и в первую очередь сирийских и персидских проповедников из Китая на запад и север. Хотя новый расцвет несторианства в Китае, Восточном Туркестане, Семиречье будет наблюдаться в составе Монгольской Империи в XIII-XIV вв. снова произойдет культурное взаимодействие Западного Китая и Семиречья, имевшего значительные контакты на протяжении всей истории.

**К вопросу о распространении ислама среди кочевников
евразийских степей**
(по материалам некрополя Бузук)

В освещении процесса проникновения ислама среди кочевников Евразии значительную роль играет именно археологический блок свидетельств. Письменные источники комментируют этот процесс не в полной мере, так как свидетельствуют о принятии ислама лишь представителями кочевой знати. Археологические материалы наглядно демонстрируют, какие изменения происходят в погребальной обрядности всех слоев общества в связи с появлением новых норм погребальной обрядности. Имеются археологические данные о протекании этого процесса на территории Урало-Поволжских степей, в регионах Западного и Восточного Казахстана. Практически не изучен он в других регионах степной Евразии. В результате изучения Ишимской археологической экспедицией средневекового некрополя Бузук появилась возможность осветить динамику процесса проникновения ислама среди кочевников Центрального Казахстана.

Некрополь Бузук расположен в 5 км на запад от г. Астана в долине левого берега р. Ишим. На современном уровне изучения памятника выявлено 10 оградок, содержащие 19 погребений и 9 впускных погребений без возведения какой-либо надмогильной конструкции над ними. В архитектурном плане наземные конструкции представляют следующие варианты: подквадратные оградки из обожженного кирпича, прямоугольные и квадратные оградки из сырцового кирпича, округлые и овальные оградки из сырцового кирпича (как разновидность – округлая оградка из сырцовой массы с включениями обломков обожженного кирпича).

В погребальном обряде некрополя выделяются ряд массовых признаков. Таковыми являются деревянные или кирпичные перекрытия, обкладка стен деревом в придонной части, деревянный настил, забутовка ямы обломками сырцового или обожженного кирпича. Эти элементы обряда обусловлены целью, которая преследовалась при их сооружении – не допустить соприкосновения тела умершего с землей. Умершие в подавляющем большинстве не имели сопроводительного инвентаря, их поза, в основном, выдержана в положении вытянуто на спине, руки вдоль тела. Умершие ориентированы по преимуществу на северо-запад или запад.

Выделение типов наземных конструкций позволило выявить наличие дифференцированного подхода в совершении погребальных норм. Так, выяснилось, что погребальный обряд умерших, похороненных под прямоугольными и квадратными оградами из сырцового или обожженного кирпича, возведение которых само по себе требовало значительных трудозатрат, характеризуется усложненными вариан-

тами внутримогильных конструкций (обкладка стен кирпичом в придонной части или на всю высоту ямы), над могилами в ряде случаев сооружались кирпичные выкладки типа "сагана", покрытые сверху алебастровой штукатуркой, нередко находки вещей (бронзовое зеркало, серебряная монета с арабской надписью, железные наконечники стрел, стеклянные бусины, астрагалы). Все эти элементы отсутствовали при погребении умерших, над могилами которых возведены округлые и овальные оградки из сырца. Эти моменты, видимо, следует объяснять различным социальным положением умерших.

Архитектура наземных и внутримогильных конструкций, сопроводительный инвентарь, детали обряда позволили определить основное время функционирования некрополя периодом XIV-XV вв. (впускные погребения, характеризующиеся более строгим соблюдением норм ислама, совершались как в этот период, так и позднее). Именно в этот период среди кочевников Евразии начинается распространение ислама, проникновение которого фиксируется и в погребальной обрядности новообращенных мусульман.

Судя по сведениям среднеазиатских религиозных законоведов, при погребении мусульманина необходимо соблюдение ряда условий. Могила должна быть с ляхдом (подбоем), после того, как туда помещали покойного, подбой закладывался кирпичом, камышом или деревом. В случае рыхлого грунта могила могла быть и с вертикальными стенами, в таком случае сооружался гроб или же она обкладывалась кирпичом, чтобы не допустить соприкосновения тела умершего с землей. Третий вариант представлен ямой с заплечиками, необходимых для укладки перекрытия. К положению тела умершего ислам предъявляет более строгие требования. Умершего необходимо ориентировать лицом к кыбле (к Мекке) с поворотом туловища на правый бок (это не всегда отмечается археологически). Запрещается помещение в могилу каких-либо сопроводительных предметов. Связь с мусульманской архитектурной традицией обнаруживает и возведение кирпичных оград и выкладок типа "сагана" над погребениями.

Таким образом, влиянием мусульманских традиций обусловлено появление таких элементов в погребальном обряде местного населения: четкие предписания относительно положения умершего, погребение его без сопроводительного инвентаря, новые элементы в сооружении надмогильных и внутримогильных конструкций (кирпичные ограды, выкладки типа "сагана", обкладка стен могилы кирпичом). Продолжают сохраняться и языческие элементы обряда. Об этом свидетельствует обнаружение остатков жертвенной пищи и сопроводительного инвентаря в некоторых погребениях. Некрополь функционировал в период становления нового синкретичного погребального обряда, вобравшего в себя элементы как мусульманской, так и языческой обрядности. Мусульманизация в период XIV-XV вв. не была массовым явлением. Об этом свидетельствуют яркие кочевнические комплексы Тасмола IV и Жартас, обнаруженные в этом же регионе и датированные XIV в. Элементы язычества продолжают сохраняться еще

долгое время спустя. О сохранении их до XVIII в. свидетельствуют археологические материалы (наиболее живучими определяются возведение курганный насыпи, сооружение могил прежних конфигураций, захоронения покойников в повседневной одежде, наличие в могилах и насыпях костей животных — остатков заупокойной пищи и тризн, а также присутствие отдельных вещей). Эта информация подтверждается сведениями письменных источников.

Буддийское изображение на камне в местности Текели

Среди многообразия памятников исторического прошлого видное место принадлежит наскальным и накаменным изображениям. На территории Казахстана особенно распространен этот вид древнего искусства. Рисунки на скалах, камнях, выбитые каменными либо металлическими орудиями, сохранились до наших дней с древнейших времен. Особое место среди подобных памятников занимают буддийские изображения.

Летом 1999 года, во время проведения туристической экспедиции по Карийскому ущелью, в трехстах метрах от пограничного гарнизонного пункта "ТЕКЕЛИ" был обнаружен камень с изображением буддийской святыни.

Прямоугольный в плане (4.20х3.70м, высотой 2м) камень с восточной стороны имеет вертикальное удлинение (2.80метра от основания камня), подобие стелы, верхняя часть которой скошена под углом. На лицевой поверхности стелы видны следы первичной обработки. Сверху в центре самого камня находится углубление (0.5х0.3м, глубина до 0.2м) естественного происхождения, наполненное водой. По собранным этнографическим материалам, стало известно, что вода в данном углублении держится круглый год и почитаема жителями как святая вода.

На стеле, в нижней его части находится рельефное изображение. Стилистический анализ изображения позволяет разбить рисунок на три части, (верхняя часть изображения ступенчатую башню, средняя с изображением Будды и нижняя часть с изображением мифологического животного) и сделать следующие выводы:

1. Ступенчатая, верхняя часть с символичным изображением лотоса является схематичным рисунком индийской пагоды, такой как Гапурам (надвратная башня) большого храма в Мадуре (архитектура 17 века) и большая пагода в Танджавуре (архитектура 15 века).

2. Средняя часть схожа архитектурой храма Дхармараджаратха в Мамаллапураме (архитектура 7 века) и храм - горы в Ангоре, представляющие собой усеченную ступенчатую пирамиду с куполообразной вершиной.

Индийские пагоды в основном представляют собой высокие четырехгранные пирамиды- башни, состоящие из многих постепенно уменьшающихся ярусов. Высокие пагоды, такие как в Мадуре и Танджавуре - относятся к новобрахманскому стилю с дравидийскими истоками.

Храмы подобные Дхармараджаратха присущи южному типу храмов - башни ниже и имеют форму усеченной, ступенчатой пирамиды.

На вершине сооружения изображенного в средней части рельефа, в центре купола находится изображение Будды, сходное в стиле с рельефами фасада пещерного храма в Аджанте (архитектура 6 век). Будда изображен сидящим с подогнутыми под себя ногами и держащий в руке чашу для подаяния.

Изображение в нижней части рельефа текелинской стелы поддерживающие платформу вей верхней части, находится изображение мифологического животного с львиной гривой, остроконечными ушами и подбородком. Аналогов, с какими либо памятниками не было найдено, можно обнаружить стилистические сходства с отдельными скульптурами и изображениями. К примеру с львиными изваяниями Великого храма Шивы.

Формирование сюжетных линий в современном искусстве Казахстана под влиянием историко-археологических исследований

В культуре, как в форме общественного сознания в первую очередь отражаются все изменения, происходящие в обществе и науке. В своей статье я хочу проследить влияние исследований в области археологии и истории на искусства Казахстана.

На пороге XXI в. в искусствоведении Казахстана обозначились тенденции подведения итогов минувшего столетия. Начиная с 20 – 30-х гг. В республике на основе освоения европейского академического канона зарождается и получает развитие станковой живописи и светской скульптуры. Но в ходе становления национальной художественной школы происходит актуализация исторических сюжетов, возвращение к традиционной эстетике степняков, к образам и символам кочевого искусства.

Еще в 70 гг. в живописи Казахстана возникает тема древнего города; ее развитие связано с археологическими и палеоэтнографическими исследованиями средневековых поселений в степях Азии. Раскопки города Отрара вдохновляют художников на развитие этой сюжетной линии.

Крушение политической идеологии и мифологии советского периода в годы “перестройки” приводит к расцвету этнографической тематики. В 90 – е гг. традиционализм уступает место глубокому прочтению исторической темы. Поиск исторических корней, опыт осмысления преемственности в развитии кочевой цивилизации определяют одну из ведущих тем современного искусства Казахстана. История стала неисчерпаемым источником вдохновения, для скульпторов, живописцев, прикладников и графиков. **Жожахметов Р.** серия работ “Великий шелковый путь”, **Литвяков С.** “Отрар”, **Телеужанов Т.** “Битва за Отрар”, **Дузельханов А.** “Абулхайр хан”, **Касымов Д.** “Ак жол”, **Килибаев Н.** “Сак”, **Мазаков А.** “Сакский мотив”, **Медетбеков З.** “Тюркский хан”, **Назаркул А.** “Скифы-Кентавры”, **Жожахметов Р.** “Восток”, **Сейтимов А.** “Кап-яр”, **Смагулов С.** “Зороастрийский мотив”, **Сулеев К.** “Огуз Наме”, **Далбай Н.** “Батыр”.

Популярность мадонны в живописи последнего десятилетия имеет образ сакской царицы Томирис – женщины-воина, по легенде, утопившей голову персидского царя в бурдюке с кровью. Ее образ послужил вдохновением для многих известных художников: **Сидоркина В.**, **Актоты**, **Жакупбекова А.**, **Касымова Д.**, **Мазакова А.** и др.

В репертуаре образов профессионального искусства Казахстана не менее популярны находки из Иссыкского кургана; они широко используются в атрибутировании национальной идеи. Образ сакского вождя из Иссыкского кургана – образ “Золотого человека” становится

воплощением сакральной светоносной силы. Он выражает единство времени и истории, стойкость духовного начала человека и народа. Наиболее известная работа на эту тему – “Золотой воин” А. Дузельханова. В ней заключено стремление художника к сакрализации искусства через обращение к древним культурам и символам. Постигание архаики становится для современных мастеров источником обретения гармонии вечных, проверенных тысячелетиями, понятий и ценностей.

Чрезвычайно широко в произведениях современного искусства Казахстана используются наскальные изображения. Композиции с петроглифами очень популярны в графике, живописи и декоративно-прикладном искусстве: Ярема И. “Наскальные рисунки”, Заурбекова Б. “Звуки веков”, Ахат А. “Солярные божества”, Муканов М. “Жер-уйык”, Бекулова А. “Текемет для ночи”, Умбетова К. “Стрельцы”, Рыстат С. “Солнечное божество”. Включая древние знаки в свой творческий репертуар, современные художники создают интеллектуально насыщенное искусство, которое приобретает смысл тайного послания, причастного вечным божественным истинам вне времени и пространства. Связь времен становится зримой в перформансах, подобных тому, что создал Э. Казарян на святилище Тамгалы; один из самых известных памятников древнего искусства Казахстана он превратил в выставочный зал, придав глубинный смысл современному формотворчеству.

Создание произведения искусства с исторической основой, становится возможным, благодаря большому количеству информации, и привлечения внимания общественности к новым археологическим открытиям. Люди искусства для создания исторически грамотных работ нуждаются в большем количестве достоверной информации. С момента открытия и до момента формирования образа в современной культуре проходит не один год. Популяризация новых открытий и исследований историка археологического направления, очень важна для искусства и общества в целом. Посредством искусства археологические находки обретают свою новую жизнь, не в археологических отчетах, а в реальной жизни. Доведение открытий до широкой общественности посредством искусства не менее важно, чем само археологическое открытие.

Освоение тысячелетней истории степей Евразии характерно для художественной жизни Казахстана последнего десятилетия. Развитие профессионального искусства независимого государства рубежа веков определяет парадигма национальной самоидентификации, которая ориентируется на идею евразийского единства.

Шыңғыстаудағы Сарыкөл I ескерткіші (2002 жылғы зерттеулер)

Шығыс Қазақстан өңірі ескерткіштерге өте бай аймақ. Бұл өңірде тас ғасырынан бұрын бастап, орта ғасыр ескерткіш туындылары қайталанбас ерекшеліктерімен көз тартады. Андронов мәдениетіне тән сондай ескерткіштердің бірі Абай ауданының территориясындағы Сарыкөл көлінің шығысында 12 шақырым жерде орналасқан. Ескерткіштің зерттелу тарихына көз жүгіртетін болсақ, бұл қорымда алғашқы болып 1947 ж. Л.К.Нифонтова қазба жұмыстарын жүргізді. 1949 ж. С.Черников басшылығымен ШҚАЭ қорымды барлап, зерттеу жұмысын жасады. 1999 жылы Әл-Фараби атындағы ҚазМУ және Шәкәрім атындағы СМУ-дің біріккен Шыңғыстау экспедициясы осы қорымда зерттеу жұмыстарын жүргізді. 2002 жылы аты аталған оқу орындарының қатысуымен экспедиция ескерткіште барлау және қазба жұмыстарын жалғастырып, орта қола заманың екі тас қоршауы және соңғы қола заманының қорған қоршауы мен тас шеберханасын қазып шықты.

Орталық (№1) қорған – қоршау.

Теке бұлағының оң жағалауының екінші террасасында, су арнасынан 300 метрдей жерде орналасқан. Қорған диаметрі 22м, қазу алдындағы биіктігі 1,5м. Қорған 79 гранитті тақтамен қоршалған, 4 тақта орнында жоқ, оны бос орындар дәлелдейді.

Беткі қабатын аршу нәтижесінде ішкі қоршау ашылды. Ішкі қоршау аралас конструкция әдісімен, бір жағы қырынан қойылған үлкенірек тас тақталардан, өзге бөліктері ірі тастардан қаланып салынған. Ішкі қоршаудың орта тұсынан 80 см тереңдікте екі керамика сынығы табылды. Бірі – диаметрі 10,2 см ыдыс түбі. Екіншісі – тіс штампымен салынған ұшбұрыш және меандрлар өрнегі бар ыдыс ернеуі мен мойынының сынығы.

1 м тереңдікте арасы 70 см көлденең жатқан екі тас тақта анықталды. Тақталар астында ұзын жағы батыс – шығыс бағытындағы тас жәшіктер ашылды. Жәшіктер ішіндегі топырақ күйген ұсақ сүйектермен араласқан.

Дөң (№10) қоршау.

Диаметрі – 8 м, биіктігі 0,6 м келетін бұл қоршаудың ішкі құрылысы дұрыс шеңбер және сырты шаршыға жақын тікбұрыш.

Беткі қабатын ашу барысында ішкі шеңбердің орта тұсында, 70 см тереңдікте жайпақ түпті, сырты қара, бүйірі шығыңқы керамика сынықтары алынды. Ыдыс лабораториялық жағдайда қалпына келтірілді. Ыдыс тұрқы 14,2 см, қабырға қалыңдығы 0,5 см. Ыдыс сызық штампымен салынған ұшбұрыш және “шырша” өрнектерімен өрнектелген. 60 см тереңдікте қабір шұңқырын жапқан тақта тас сынықтары ашылды. Бұл қоршауда да қос жерлеу болды. Шұңқырлар көлемі: оңтүстік

шұңқыр 156 x 64 см, солтүстік шұңқыр 150x62 см. Оңтүстік шұңқыр құрлысы тас тақта да, солтүстік шұңқыр таза цисталық қалау.

Солтүстік шұңқырда 77 см тереңдікте, шұңқыр бұрышында, шығыс қабырғадан 11 см қашықтықта андрондық дәстүрге тән тұтас керамикалық ыдыс табылды. Ыдыс тұрқы 14,9 см, қабырғасының қалыңдығы 0,5 см. Негізгі өрнектері ұшбұрыш (“жалауша”) және оның тізбектері.

Шет қоршауы.

Диаметрі - солтүстік-оңтүстік бағытымен 506 см, батыс-шығыс бағытымен 300 см, төртбұрышты қоршау. Мұнда да бір деңгейде қатарлас қос жерлеу анықталды.

Оңтүстіктегі шұңқырда 76 см тереңдікте, шығыс қабырғадан 43 см, оңтүстік қабырғадан 9 см аралығында жақсы сақталған керамикалық ыдыс табылды. Ыдыс тұрқы 13,9 см, қабырға қалыңдығы 0,5 см. Өрнектелуі: ыдыс мойынының жоғарғы жағы тіс штампымен салынған, ұшы оңға қаратылған ұшбұрыштар. Ыдыс қабырғасы өрнектелмеген. Осы шұңқырдың солтүстік – шығыс бұрышында 85 см тереңдікте жақсы сақталған екінші керамикалық ыдыс қазып алынды. Ыдыс тұрқы 14,9 см, қабырға қалыңдығы 0,6 см. Өрнектелуі: кесік өрнекпен салынған “шырша” өрнегі. Ыдыс бүйірінде балшығы алынған қос жалақ.

Солтүстік шұңқырда кішірек келген сүйек ыдыс сынығы және керамиканың кейбір ұсақ бөлшектері табылды.

Шеберхана.

10 x 15 м көлемінде қазба салынды. Қазбаға дейін ірі тас тақта бөліктері көрініп жатты. Топырақтың 2 қабаты (40 см) алынған соң тақталар конфигурациясы анықталды және тас өңдеу құралдары табылды. Шеберханада ежелгі құрлысшылар ірі 24 плита қалдырған. Олардың ірілері қазбаның орталығынан көлемі 188 x 102 см, шығыс бөлігінен көлемі 174 x 94 см ашылған тақталар.

Қазбаның орта тұсынан, шығысқа таман бір бұрышы екінші плита астына кіріп жатқан алып тас орналасқан. Көлемдері 160 x 64 см және 133 x 52 см. Бұл 2 тас тақта тас сындыру құралы болуы мүмкін.

Шыңғыстауда жүргізілген археологиялық экспедиция өз жұмысын табысты аяқтады. Зерттеу жұмыстары нәтижесінде біршама қорытындылар жасалды. Зерттелген қорымдардың барлығы тоналған. Қабір үстіне тұрғызылған құрлыстар әртүрлі болып келеді. Қазылған қорған – қоршау мен екі қоршауда да батыс-шығыс бағытындағы қос жерлеулер болды. Қабір шұңқырлары құрылыстары да біркелкі емес. Тас жәшіктер де, цисталарда кездеседі. Жерлеу құрылысының өзгешелігі №10 қорғандағы қабір шұңқырының бірі тас жәшік, бірі циста болуы. Табылған заттарды негізін керамикалық ыдыстар құрады. Тас құрылыстары мен керамикалық ыдыстар өрнектері бұл ескерткішті Орталық Қазақстан ескерткіштерімен жақындастырады. Биылғы зерттелген ескерткіштер орта және соңғы қола заманына жатады.

СОДЕРЖАНИЕ

Вилкова И. В. Особенности жилищно-хозяйственных конструкций эпохи энеолита на территории Северного Казахстана.....	5
Байтілеу Д.А. История изучения петроглифов Сарыарки.....	6
Ишангали С.К. Исследование могильника Талдысай 1 в полевом сезоне 2002 года.....	8
Лошакова Т.Н. К изучению орнамента эпохи бронзы поселений Северо-Восточного Прикаспия.....	10
Шевнина И.А. Памятники синташтинско-петровского типа на территории Тургайского прогиба.....	11
Табуддинов Б.К. Пересветов Г.Ю. Смагулов Т.Н. Новый памятник эпохи бронзы на реке Шидерты.....	14
Базарбаева Г.А. К изучению особенностей построения композиций в искусстве ранних кочевников Алтая.....	16
Үмітқалиев Ұ. Ә. М. Оразбаевтың Қазақстан археологиясына қосқан үлесі және қола дәуірінің бүгінгі проблемалары.....	19
Еркибаев О. У. К вопросу хронологии среднесарматской культуры.....	21
Книсарин Б. А. Некоторые аспекты военного дела кыпчакских племен Западного Казахстана (XII - XIV).....	23
Чотбаев А. Функции оружия в культуре древних кочевников.....	26
Ганиева А.С. Погребальная керамическая посуда VII-IV вв. до н.э. саков Семиречья и Нижней Сырдарьи.....	28
Хасенова Б.М. Касенбеков Е.М. Кыпчакская проблема в археологии Казахстана.....	31
Жетписбай Н.И. Некоторые вопросы искусства древних кочевников Западного Казахстана.....	33
Рустемов А.А. Донец А.Г. Погребения Богенского водохранилища.....	35
Ахатов Г.А. Археологические исследования некрополя городища Жаик.....	38
Железняков Б. Нефритовая подвеска с крестом из Чуйской долины.....	40
Хасенова Б.М. К вопросу о распространении ислама среди кочевников евразийских степей.....	43
Антонов М.А. Буддийское изображение на камне в местности Текели.....	46
Е.М. Шаронова Формирование сюжетных линий в современном Искусстве Казахстана под влиянием историко-археологических исследований.....	48
Жұматаев Р. С., Транснаев Н. Е. Шынғыстаудағы Сарыкөл I ескерткіші. (2002 жылғы зерттеулер).....	50

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
научной конференции молодых ученых
“АХИНЖАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2002”**

*Генеральный директор
ТОО «Юридическая литература»
Жансеитов Н. Н.*

*Ответственные за выпуск:
Сляднева А. А., Омаркожаева Г. К.*

Компьютерная верстка Сляднева А. А.

Подписано в печать 20.12.2004 г.
Формат 60×90. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 3,38. Усл.-изд. л. 2,80.
Тираж 100 экз. Заказ № 112.

Издательство «Юридическая литература»
480008 г. Алматы, пр. Абая, 52, оф. 325.
Тел./факс: (3272) 42-03-44
E-mail: law_literature@nursat.kz

Отпечатано в типографии
ТОО «Юридическая литература»